

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Г. ф. Музыченко

Проективная методика

**«НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЕ
ЖИВОТНОЕ»**

COGITO
CENTRE

Психологический инструментарий

Галина Музыченко

**Проективная методика
«Несуществующее животное».
Руководство и результаты
психодиагностического
исследования взрослых пациентов
с различными расстройствами
эмоционально-личностной сферы**

«Когито-Центр»

2020

УДК 159.964.22

ББК 88.4

Музыченко Г. Ф.

Проективная методика «Несуществующее животное». Руководство и результаты психодиагностического исследования взрослых пациентов с различными расстройствами эмоционально-личностной сферы / Г. Ф. Музыченко — «Когито-Центр», 2020 — (Психологический инструментарий)

ISBN 978-5-89353-650-8

Книга является первой психодиагностической монографией, которая посвящена отечественной проективной методике «Несуществующее животное». В первой части приводится краткое описание теоретических концепций, лежащих в основе проективных техник, история развития методики, включая ее валидизацию, разработку теоретического основания интерпретации и др. Во второй – представлены результаты многомерного статистического анализа экспериментального материала, полученного при психологическом исследовании большой выборки взрослых пациентов с разными психическими нарушениями. В третьей – предложено практическое руководство по проведению методики и интерпретации экспериментального материала, включающего рисунок, название животного и рассказ о нем. Работа снабжена множеством иллюстраций, описанием и анализом конкретных случаев, а также полезными приложениями. Книга предназначена для практикующих клинических психологов, психотерапевтов, психиатров, а также для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Клиническая психология». Второе издание, стереотипное. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.964.22

ББК 88.4

ISBN 978-5-89353-650-8

© Музыченко Г. Ф., 2020

© Когито-Центр, 2020

Содержание

От автора	7
Часть 1. «Несуществующее животное». Как проективная методика исследования личности	11
Введение. Животные символы как отражение человеческой психики (от антропоморфизма к созданию проективных методов)	11
Общие теоретические положения	17
Методика и ее статус в настоящее время	22
Часть 2. Психодиагностическое исследование и результаты статистического анализа	26
Цель	26
Психодиагностическое исследование	27
Анализируемые данные	28
Статистический анализ	32
Результаты	33
Психологическая интерпретация результатов статистического анализа	35
Агрессивность (А)	35
Тревожно-фобические нарушения (ТФ)	43
Депрессивное расстройство (Д)	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Г. Музыченко
Проективная методика «Несуществующее животное». Руководство и результаты психодиагностического исследования взрослых пациентов с различными расстройствами эмоционально-личностной сферы

© Г. Ф. Музыченко, 2012

© Когито-Центр, 2022

* * *

От автора

*Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка не лягушку,
А неведому зверюшку.*

А. С. Пушкин

О методике «Рисунок несуществующего животного» я впервые услышала в начале 70-х гг. теперь уже прошедшего XX в., когда была студенткой психологического факультета МГУ и писала дипломную работу на кафедре нейро- и патопсихологии. В числе ее преподавателей были корифеи отечественной и мировой психологической науки академик АПН СССР, профессор Александр Романович Лурия и профессор Блюма Вульфовна Зейгарник. Преподаватели кафедры не только знакомили нас с теоретическими концепциями, но и обучали умению проводить экспериментально-психологические исследования пациентов с различными нарушениями психической деятельности. Методический инструментарий клинического психолога представлял собой батарею психологических методик, с помощью которых можно было исследовать когнитивную и эмоционально-личностную сферу. Методик для исследования когнитивных процессов в то время было довольно много, а вот личностных тестов – очевидно не достаточно. Только с середины 60-х гг., и особенно в начале 70-х, в нашей стране начали появляться первые исследования, направленные на адаптацию и апробацию созданных и уже к тому времени более четверти века эффективно работающих на Западе опросников (ММРІ, 16-факторный опросник Кеттелла и др.) и различных проективных личностных тестов. Например, на факультете психологии МГУ сначала Н. К. Кияшенко [45], а затем Е. Т. Соколовой [94] были предприняты попытки апробации Тематического Апперцептивного Теста. В психологической лаборатории Московского научно-исследовательского института психиатрии МЗ РСФСР Ю. С. Савенко и М. З. Дукаревич перевели, адаптировали и стали использовать при исследовании здоровых и психически больных людей тест Роршаха [31] и методику «Рисунок человека» [88]. Несмотря на огромный интерес к этим новым, так долгожданным методикам, позволяющим впрямую, а не косвенно исследовать личность, большая часть научной общественности относилась к ним весьма настороженно. Это объяснялось тем, что, во-первых, проективные тесты базировались на психологических теориях личности, которые не совпадали с представлениями о личности, принятыми в отечественной психологии. И во-вторых, вследствие их недостаточной валидизации и стандартизованности.

Методика «Рисунок несуществующего животного» появилась как одна из многих в череде других проективных тестов. Она сразу привлекла к себе внимание. Мы начали использовать ее для исследования своих знакомых и применять при исследовании пациентов. Поражала красота самой идеи, простота проведения методики, а главное, удивительно частые совпадения полученных с ее помощью результатов с наблюдаемой реальностью и данными клинических исследований. Руководство по ее проведению и интерпретации (Приложение 1) представляло собой шесть печатных страниц текста без указания авторства и распространялось среди студентов психологов из рук в руки. Первоначально многие из нас полагали, что автором ее, так же как и других проективных тестов, является кто-то из иностранных психологов. И каково же было удивление, когда выяснилось, что ее автор – это наш отечественный практический психолог Майя Захаровна Дукаревич.

М. З. Дукаревич родилась в 1925 г. в семье комиссара и дворянки. В ее сложной судьбе во всей полноте отразилась история нашей страны. Ее отец стал жертвой сталинских репрессий, был арестован и расстрелян, когда ей не было еще и 14 лет. Не имея формально выс-

шего психологического образования, но, обладая хорошей базовой подготовкой, включающей в себя «дворянское» домашнее обучение (до третьего класса она обучалась гувернантками на дому) и четыре курса филологического факультета МГУ, знание в совершенстве французского и немецкого языков, она, увлекшись психологией, сначала психологическим тестированием, а затем психотерапией, постоянно занималась самообразованием. Переводила и изучала иностранную научную психологическую литературу, пыталась внедрять в практику западные психодиагностические тесты. Как опытный психолог-практик, М. З. Дукаревич была во многом «self-made person», создавшим себя сама специалистом. Она была разработчиком концепции и одним из организаторов Всесоюзного суицидологического центра, первым в нашей стране психологом, практикующим в области суицидологии. Работая в этом центре, она помогала людям, находящимся в кризисном состоянии или пережившим попытку самоубийства. Кроме того, она была создателем психореабилитационного клуба «Свеча», где оказывала психотерапевтическую помощь пациентам, выписанным из кризисного отделения, и просто людям с личными проблемами; была инициатором создания и сотрудником службы «Телефон доверия». Помимо практической работы, она занималась преподаванием, читая лекции по характерологии на факультетах повышения квалификации факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова и 1-го Московского медицинского института. По признанию профессора, доктора психологических наук Ю. Б. Гиппенрейтер, несмотря на отсутствие «научных званий, степеней и постов она смогла стать Учителем для многих практических психологов» [32]. Не случайно имя М. З. Дукаревич носит созданная в 1995 г. Региональная некоммерческая психологическая школа, считающая своей главной миссией психологическую поддержку населения. Это, как и посмертное издание ее лекций по характерологии, является действенным проявлением благодарности и заслуженной высокой оценки ее подвижнического труда со стороны нашего психологического сообщества.

Мне, к сожалению, не довелось знать М. З. Дукаревич лично. Но то, что я читала и слышала о ней от ее друзей и учеников, убеждает, что только такой талантливый, творческий, душевно щедрый, тонкий, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ человек (по выражению ее отца, «диковинный цветок»), каким была Майя Захаровна Дукаревич, и мог создать проективную личностную методику «Рисунок несуществующего (НЕОБЫКНОВЕННОГО) животного». В основе предлагаемой вашему вниманию книги лежит мой опыт использования этой методики при исследовании большого количества взрослых пациентов с разной психической патологией почти за тридцатилетний период работы. Хотелось бы надеяться, что представленные в ней результаты и некоторые обобщения окажутся полезными клиническим психологам и психотерапевтам и смогут побудить их к дальнейшим исследованиям, направленным на раскрытие ее богатого психодиагностического и психотерапевтического потенциала.

Я приношу сердечную благодарность всем любимым мной и дорогим для меня людям, без которых эта работа не смогла бы состояться.

Моим родителям Морозовой Антонине Васильевне и Морозову Фёдору Степановичу, а также самым близким родственникам: Сапуновой Галине Васильевне и Сапунову Федору Андреевичу, чья любовь служит мне надежной опорой на протяжении всей жизни.

Моему мужу, Вадиму Музыченко, который вдохновлял и активно подталкивал меня к написанию этой книги, был моим проводником в современном мире информационных и компьютерных технологий, помогал при редактировании текста книги, а также проявлял терпение и понимание к моей увлеченности при ее написании, поскольку и сам является творческим, разносторонне талантливым человеком, автором научных книг и учебников.

Моему сыну и одновременно коллеге-психологу по первому образованию, Денису Рыбину, который не только эмоционально поддерживал меня и давал полезные советы, но и, являясь по второму образованию биостатистиком, оказал неоценимую профессиональную

помощь в статистической обработке результатов исследования, проведении статистического анализа и описании его результатов, которое приведено во второй части книги.

Моему реальному, а не вымышленному животному английскому кокер-спаниелю Рэдди, который подарил мне свою любовь и счастье общения, позволил заглянуть в сложный и богатый внутренний мир животного.

Я благодарна всем преподавателям факультета психологии МГУ и прежде всего преподавателям кафедры нейро- и патопсихологии Александру Романовичу Лурия, Любове Семеновне Цветковой, Елене Теодоровне Соколовой, Алле Семёновне Спиваковской, Валентине Васильевне Николаевой и др. за их важную роль в процессе моего профессионального становления.

И особенно моему первому профессиональному наставнику, доктору психологических наук, Татьяне Сергеевне Кабаченко и главному Учителю и научному руководителю Блюме Вульфовне Зейгарник, которая открыла для меня увлекательный мир свободного научного творчества и вселила веру в свои силы.

Клиническому психологу Артемьевой Галине Александровне, от которой я впервые услышала о существовании методики «Рисунок несуществующего животного», узнала правила ее проведения и интерпретации.

Моя безмерная благодарность всем сотрудникам кафедры психиатрии и медицинской психологии медицинского факультета Российского университета дружбы народов, на которой я работаю уже около 30 лет. И в первую очередь всем ее руководителям в течение этих лет: основателю кафедры – профессору Марии Васильевне Коркиной, профессору Марине Александровне Цивилько и профессору Валентину Васильевичу Мариллову, которые создали и сохраняли на кафедре доброжелательную, творческую атмосферу, без чего проведение этого исследования было бы невозможным. Отдельная признательность моей коллеге, кандидату психологических наук Марине Александровне Каревой, которая сумела на начальном этапе формирования коллектива кафедры создать между врачами и психологами атмосферу взаимопонимания, равноправного, взаимообогащающего профессионального сотрудничества, что способствовало и продолжает помогать нашей плодотворной совместной работе. А также доценту кафедры, кандидату медицинских наук Андрею Евгеньевичу Брюхину, тесное сотрудничество в работе с которым, особенно в последние годы, позволило мне узнать много нового и обогатить свой профессиональный опыт, исследуя больных с разнообразными и иногда редкими психическими расстройствами.

Я благодарна студентам медицинского факультета РУДН, которым на протяжении многих лет я читаю курс «Экспериментально-психологическое исследование в психиатрии», за интересные вопросы и свежие мысли, подталкивающие к непрерывному профессиональному развитию.

Всем врачам, клиническим психологам и психотерапевтам московской городской психиатрической больницы № 14, являющейся клинической базой кафедры, за увлекательные дискуссии при обсуждении больных, как на общепольничных клинических разборах, так и в частных беседах, за возможность взглянуть на обследуемого пациента более объемно, уточнить собственное видение и получить творческий импульс к познанию нового.

Глубокая признательность основателям Общества психоаналитиков (Москва) – Павлу Валерьевичу Качалову и Виктории Анатольевне Потаповой за предоставленную мне возможность обучения, участия в семинарах, региональных и международных конференциях по различным проблемам классического и современного психоанализа, что позволило мне получить систематизированные теоретические знания в этой области.

Отдельная благодарность старшему научному сотруднику лаборатории психофармакологии НЦПЗ РАМН, кандидату медицинских наук, Алану Геровичу Бениашвили за проводимые им в психиатрической больнице № 14 регулярные и чрезвычайно интересные семинары, вклю-

чающие клинические разборы пациентов, где для оценки психического состояния и структуры личности больного им используется разработанное О. Кернбергом структурное интервью, объединяющее традиционное психиатрическое обследование с психоаналитически ориентированным подходом в диагностике. Эти клинические разборы, наряду с получением новых знаний в области практической психоаналитической диагностики, помогали мне уточнять разрабатываемые психологические интерпретации экспериментального материала, полученного при проведении методики «Несуществующее животное».

Особая благодарность доктору психологических наук Петру Всеволодовичу Яньшину, исследования которого, направленные на валидизацию методики «Рисунок несуществующего животного», разработку психологического основания ее интерпретации, послужили той теоретической базой, на которую я смогла опереться, чтобы осмыслить, обобщить и проанализировать имеющийся у меня большой экспериментальный материал.

Искренняя признательность доктору психологических наук, профессору Александру Шамильевичу Тхостову и доктору медицинских наук, профессору Валентину Васильевичу Марилову, которые взяли на себя труд прочесть рукопись этой книги и дать на нее рецензию. А также издателям книги – генеральному директору издательства «Речь» Леониду Вацлавовичу Янковскому за раскрытую перед книгой «дверь» на ее пути к читателю и генеральному директору издательства «Когито-Центр», доктору психологических наук Виктору Исаевичу Белопольскому за то, что он, своим решением через 10 лет переиздать эту книгу, подарил ей «вторую жизнь».

И наконец, но не в последнюю очередь, моя сердечная благодарность всем моим Пациентам за то, что были откровенны со мной и открыли мне все то, что я смогла увидеть.

Часть 1. «Несуществующее животное». Как проективная методика исследования личности

Именно настоящие реальности можно придумывать.
Карл Краус

Введение. Животные символы как отражение человеческой психики (от антропоморфизма к созданию проективных методов)

Сверхъестественные животные как плоды человеческого воображения известны в истории культуры человечества с древних времен. Они дошли до нас зафиксированные в рисунках, легендах, мифах, сказках и преданиях разных народов мира. Великие исследователи прошлого, такие как Плиний Старший, натуралист-исследователь императорского Рима, Винсент из Бове, монах-доминиканец, создавший в XIII в. всеобщий свод знаний «Великое зеркало», универсальный ученый-естественник Альберт Великий, выпустивший в XIII в. «Книгу сокровищ», и др., не только описывали их, но и пытались систематизировать [19]. В нашей стране одним из первых ученых, кто попытался описать фантастических существ, известных по мифам и сказаниям древних славянских народов, был историк и фольклорист А. Н. Афанасьев в своем фундаментальном труде «Поэтические воззрения славян на природу», вышедшем в свет в 1865–1869 гг. [8]. Наиболее известным систематизатором середины XX в., написавшим в 1954 г. в содружестве с М. Герреро пособие по фантастической зоологии, был Х. Борхес. Опираясь на источники европейской и восточной литературы, в своей работе «Книга вымышленных существ» он описал фантастических существ, которые были созданы воображением людей на протяжении веков на разных континентах Земли [19]. В настоящее время можно встретить описания мифологических существ в многочисленных энциклопедиях и словарях символов и знаков [12, 13, 24, 28, 71, 72, 76, 117, 118]. В отечественной литературе, из известных нам источников, фантастические существа представлены наиболее полно в книге К. Королева «Энциклопедия сверхъестественных существ» [117], энциклопедии «Волшебные существа», составленной Н. Гореловым [24], и книге Ю. Беляева «Чудовища древности» [13]. Эти мифологические энциклопедии составлены авторами на основе материалов германо-скандинавской, кельтской, индуистской, ведийской, славянской, японской, китайской, арабской и других мифологических систем.

В мифологиях разных культур фантастические животные представляли собой существ, обычно обитающих в измерении, захватывающем повседневный и волшебный миры. Они могли выступать как в роли вестников или учителей, так и олицетворять страшное препятствие, которое надо преодолеть, чтобы достичь цели. Вымышленные существа, как правило, имели облик получеловека-полузверя или гибрид, сочетающий в себе элементы нескольких животных. Они получали символические свойства каждого из составляющих их созданий, образуя в совокупности нечто новое. Это позволяло воображению наделять их необычными, и даже в той или иной мере превосходящими человеческие, способностями. Например, Пегас, представляющий собой гибрид коня с птицей, символизировал стремление к развитию, скорость, полет, способность достигать высокой духовности, а Химера – гибрид льва, козы и змеи, олицетворяла опасность, подстерегающую и на суше, и на море, являлась предвестником природных катаклизмов [28].

По утверждению многих исследователей, фантастические существа были продуктом мифологического мышления человека. Основной отличительной чертой такого мышления, по выражению Л. Леви-Брюля, является мистическая сопричастность, то есть представление, что «чувственный мир и мир „иной“ составляют нечто единое», причем «иной» мир дан человеку «не менее непосредственно, чем видимый, он обладает большей действенностью и внушает более страха» [55]. Сверхъестественные существа как обитатели «иного» мира для человека с мифологическим мышлением были также реальны как обычные, наблюдаемые в повседневной жизни животные. Ученые-мистики считали эти существа символами, выражающими духовные и трансцендентные истины. Знаменитый исследователь символической и магической философии М. П. Холл писал: «В древних ритуалах посвящения персидских, греческих и египетских Мистерий жрецы появлялись в виде составных созданий, символизируя тем самым различные аспекты человеческого сознания» (цит. по [13]). На связь мифотворчества наших предков и населяющих мифы вымышленных существ с человеческими «побуждениями» и «свойствами» указывали многие исследователи. Например, А. Н. Афанасьев писал: «Отделив себя от остального мира, человек увидел всю свою слабость и ничтожность пред тою неодолимою силою, которая заставляла его испытывать свет и мрак, жар и холод, наделяла его насущною пищею или карала голодом, посылала ему и беды и радости. Природа являлась то нежною матерью, готовою вскормить земных обитателей своею грудью, то злою мачехой, которая вместо хлеба подает твердый камень, и в обоих случаях всеильною властительницею, требующею полного и безотчетного подчинения. Поставленный в совершенную зависимость от внешних влияний, человек признал ее за высочайшую волю, за нечто божественное, и повергся перед нею со смиренным младенческим благоговением» [8]. По мнению историка, всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным человеку только через сближение со своими собственными ощущениями и действиями, и как эти последние были выражением его воли, то отсюда он, естественно, должен был заключить о бытии другой воли (подобной человеческой), кроющейся в силах природы. Также Афанасьев считал, что человек невольно переносил на божественные стихии формы собственного тела или знакомых ему животных, разумеется, формы более совершенные, идеальные, соответственно действительному могуществу стихий. Понятно, что в воззрениях древнейшего народа не могло быть и не было строгого различия между побуждениями и свойствами человеческими и приписанными остальной природе; в его мифах и сказаниях вся природа является исполненною разумной жизни, наделенною высшими духовными дарами: умом, чувством и словом. Вымышленные существа, согласно А. Н. Афанасьеву, являлись продуктом «детской фантазии первобытных племен» [8]. У Х. Борхеса вызвал особый интерес тот факт, что некоторые из фантастических животных (например, дракон, единорог и др.) встречались одновременно в фольклоре многих народов с разными культурами, в разные времена, на разных широтах. Это заставило его предположить, что в таких образах «есть нечто искони присущее воображению человека» [19]. Ю. Беляев, описывая мифологических зверобогов, также отметил: «Смещение птиц, зверей, людей в едином плавильном котле мифического представления, из которого человечеству затем предъявляли божественную фантазмагорию, очевидно, отражало глубинную символику, скрытую не только в человеческом сознании, но и в подсознании» [12]. Многочисленные исследователи предполагали, что в вымышленных существах наши предки персонифицировали свои мечты, желания, страхи, тревоги, агрессивные чувства, представления о душе и сущности человека, о его назначении и месте в природе и окружающей действительности. С помощью фантастических созданий они пытались объяснить непонятные явления, оценить опыт, не поддающийся объективному анализу, то есть ответить на важные для человека вопросы посредством их символизации. Так, например, как отмечают исследователи, в древней мифологии и фольклоре звероподобные существа, как воплощение света или тьмы, символизируют борьбу между добром и злом, и странствия души, во время которых страхи осознаются и побеждаются. Гиганты,

человекоподобные существа огромного роста, олицетворяют силы природы, процесс сотворения мира. Дикая природа – силы природы (йети) и плотские инстинкты человека (сатир). Мифические создания могут символизировать напряжение, возникшее между инстинктом и разумом, природой и цивилизацией; борьбу между инстинктами и страстями, воспринимаемыми как дикая природа, которую надо укротить, и интеллектом и рассудком (Минотавр). Опасные и смертоносные гибриды женского пола (сирена, Сцилла) олицетворяют мужские страхи перед женской природой и женскими чертами в мужском характере, связанными с инстинктом и иррациональностью. Божественные создания (Пегас, грифон) – высокий уровень духовности, силу превращения зла в добро, защиту от сил зла [71].

Как известно, для архаических верований и первобытного сознания человека характерен антропоморфический взгляд на животных, наделение их человеческими психическими свойствами. Это отразилось в различных источниках мировой культуры: мифологии, фольклоре, баснях, средневековых bestiaries, искусстве и науке [72]. Например, в «Физиологах» и «Bestiaries», реальные и фантастические животные описывались не сами по себе, а как существа, обладающие человеческими пороками и добродетелями [13, 72]. Выдающийся английский этнограф и историк культуры XIX в. Э. Б. Тайлор в труде «Первобытная культура» писал: «По понятиям дикарей, получеловеческое животное не есть фиктивное существо, придуманное для проповеди или насмешки, но существо чисто реальное. Басня о животных не кажется бессмыслицей людям, приписывающим низшим животным способность речи и свойства человеческой нравственной природы. Ведь, по мнению этих людей, каждый волк или гиена могут оказаться человеком-гиеной, или наоборот. Они ведь до того уверены, что „душа нашей бабушки может переселиться в птицу“, что выбирают свою пищу так, чтобы не съесть какого-нибудь предка. У людей этих сплошь да рядом существенной частью религии может являться поклонение животным. Такие верования свойственны даже и теперь половине человечества» [98].

Существовала и обратная традиция – описание людей путем сравнения их с реальными животными по чертам характера, особенностям внешности и поведения. Так, например, неизвестный средневековый автор следующим образом описывал животное начало в человеке: «По жадности он – волк, по хитроумию – лев, по плутовству и лживости – лиса, по лицемерию – обезьяна, по завистливости – медведь, по мстительности – тигр, по злоязычию, богохульству и склонности к клевете – пес; это змея, что питается землей, – по скупости, хамелеон – по изменчивости, пантера – по ереси, василиск – по сладострастности взора, дракон, вечно мучимый жаждой, – по пьянству, свинья – по сладострастию» [90]. Аналогичную между животными и людьми проводил и Аристотель в своей «Физиогномике», где утверждал, что люди с внешними чертами, напоминающими определенных животных, обладают и нравом, приписываемым этим животным. Сегодня эту аналогию можно встретить в повседневном человеческом языке в виде различных поговорок, отдельных слов и выражений. Например, «вести себя как свинья», «обезьянничать», «петушиться» и т. п.

Широко известно присутствие животного символизма в христианской мифологии. Трое из четырех евангелистов имеют свои животные символы. В Келском манускрипте, созданном в начале IX в. ирландскими монахами и представляющем собой искусно расписанную рукописную книгу, состоящую из четырех Евангелий, на нескольких иллюстрациях нарисованы крылатые животные символы четырех христианских евангелистов: святого Матфея (человек), святого Марка (лев), святого Луки (телец) и святого Иоанна (орел). Эти символы олицетворяли одновременно и самого Христа, четыре стадии его жизни: рождение, смерть, воскресение и вознесение (он был человеком в жизни, тельцом в смерти, львом в воскресении и орлом при вознесении на небеса). Эти животные символы Христа указывают на то, что высшее воплощение человека не может обойтись без природы животной ничуть не меньше, чем без высшей духовной природы, и что не достигшее человеческого уровня «недочеловеческое» также принадлежит сфере божественного, как и сверхчеловеческое [72].

Вслед за средневековой философией и теологией животная символика, как отражение человеческой психики, стала объектом научного исследования психологии. Наибольший вклад в развитие символического представления человеческой психики в образах животных внес психоанализ. З. Фрейд в работе «Тотем и табу» попытался объяснить психологическую природу тотемизма через бессознательные влечения человека. Тотем – это животное, которое люди считали заменителем отца, покровителем и вершителем судеб племени. С точки зрения З. Фрейда, в тотеме выражались запретные чувства, испытываемые человеком по отношению к своему отцу, а тотемизм – это своеобразное воплощение комплекса вины и страха инцеста [111]. Рассматривая животные символы, как проективное олицетворение бессознательных влечений и чувств человека, в труде «Толкование сновидений» З. Фрейд дал психоаналитическое толкование многим животным символам [110]. Однако, по мнению его оппонентов и критиков, ограниченность толкований состояла в склонности рассматривать символику животных лишь с точки зрения проявления сексуальной природы.

К. Юнг, в отличие от З. Фрейда, считал, что символическое значение животного является проявлением не индивидуального, а коллективного бессознательного в психике человека, представляющего собой спрессованный опыт всех предшествующих поколений, который хранится в глубинах человеческой психики [120]. Различные проявления коллективного бессознательного он называл архетипами и предполагал, что они универсальны. Следовательно, и образы животных, встречающиеся в мифах, легендах и сказках, носят архетипический характер, то есть имеют универсальный и обобщенный смысл, сохраняют свою значимость у большого числа людей на огромном временном отрезке и культурно встроены в коллективное сознание. Ученица К. Юнга, известный швейцарский психоаналитик М.-Л. фон Франц в книге, посвященной психологической интерпретации волшебных сказок, выделяя особо из всех волшебных сказок сказки о животных, подчеркивает, что животные там являются не столько реальными созданиями, но скорее антропоморфными существами (либо человек в облике животного, либо животное в образе человека). Эти символические животные рассматриваются М.-Л. фон Франц как носители проекций того, что движет человеческой психикой, проекцией животных инстинктов самого человека. Она пишет: «Животное и то, что вы на него проецируете, будут объединены в одном и идентичны до тех пор, пока существует некое архаическое тождество, и пока вы не возьмете свою проекцию назад. Это прекрасно видно на примере таких сказок о животных, которые отражают архетипические тенденции человека. Они принадлежат к человеческой сфере, так как изображают не инстинкты зверей, а животные инстинкты самого человека, именно в этом смысле они и являются антропоморфными. Когда в сказках тигр, например, олицетворяет такое качество, как жадность, то это не та жадность животного, которая присуща ему в природе, а наша собственная „тигриная жадность“. Если в жизни мы оказываемся охвачены подобными чувствами, то вспоминаем именно о тигре. Другими словами, образ этого животного антропоморфен» [105].

По мнению К. Юнга и его последователей, образы животных богаты, многолики и характеризуются многообразием значений. Например, змея является не только фаллическим символом (в толковании З. Фрейда), но и может ассоциироваться с мудростью, исцелением (медицинская эмблема), опасностью и т. д. [72].

Тенденция человека сравнивать себя с реальными животными и психоаналитическое толкование символики животных стали предпосылками для создания конкретных психологических проективных тестов. Так, в 1945 г. испанским психиатром Х. Пигемом была создана и описана проективная методика «Тест выражения желания» или «Тест предпочитаемого животного» (ТАРТ). Она была направлена на исследование личности детей и подростков и состояла из двух вопросов: «Кем бы ты хотел быть, если бы не мог быть человеком?» и «Кем бы ты больше всего не хотел быть?». Требовалось дать по три ответа на каждый вопрос, и затем ребенка спрашивали о причине выбора. В современном исследовании, проведенном в 1991 г.

Е. Рохае и С. Хубера, было выявлено, что причины выбора животных относятся к одной из следующих категорий:

1) агрессивный выбор (животное выбирается, потому что оно нападает, бьет, кусает, дерется или является свирепым, воинственным, недружелюбным);

2) автономный выбор (животное выбирается, потому что оно свободно, независимо, большого размера, физически сильное, мускулистое или, как кажется ребенку, обладает решительностью или уверенностью в себе);

3) выбор помощи (животное выбирается, потому что оно может дать приют, защиту, любовь, благосостояние, пищу, поддержку);

4) эстетический выбор (животное выбирается из-за его красоты, изящества, грациозности, приносимого им эстетического удовольствия).

Результаты исследования показали, что негативные выборы являются лучшим индикатором психологических особенностей детей сравнительно с позитивными, так как в этом случае выявляются более индивидуальные, личностные параметры, в то время как позитивные выборы выявляют стереотипные, общепринятые паттерны поведения. Дети, отвергающие животных по причине их эстетических или пищевых особенностей, были более агрессивными и более склонными к депрессии, чем отвергавшие животных из-за их агрессивности или автономности. Предполагалось, что этот факт является следствием «дезадаптивности защитного механизма, каковым является отвержение эмоциональной поддержки, отражающееся в негативных выборах детей» [115].

Юнговский подход к толкованию животных символов наглядно воплотился в проективном рисуночном тесте «Рисунок реального животного», предложенном в 60-х гг. XX в. американскими клиническими психологами Сиднеем и Ричардом Леви и в его адаптированном российском варианте «Рисунок животного», который был разработан и апробирован В. Е. Орлом и Ю. А. Туркиной в 2000 году [73]. Результаты исследований как американских, так и отечественных психологов выявили зависимость предпочитаемого животного от таких факторов, как пол, возраст, социальный статус и состояние здоровья испытуемого [72]. В частности, мужчины предпочитали идентифицировать себя с собакой и лошадью, в то время как женщины – с кошкой. Подростки часто выбирали в качестве идентифицируемых животных змею, отражающую чувство страха и вины, и птиц, как символа физической свободы путем бегства от социального окружения. В рисунках взрослых указанные символы практически не встречались. Социальный статус также отражался на выборе животного. Так, заключенные чаще олицетворяли себя с животными, вызывающими презрение к себе, робость (змея, свинья, кролик) или желание убежать, вырваться на свободу (птицы). Существовали различия и в выборе животных людьми, страдающими разного рода патологией. Психотики (по данным американского исследования) и ученики коррекционных школ (по данным отечественного исследования) чаще идентифицировали себя с необычными и экзотическими животными, не являющимися объектами типичного выбора (медуза, скорпион, кенгуру, морской конек и т. п.). Сравнительный анализ результатов отечественных и американских ученых показал наличие общих тенденций в предпочтении животных как символов человеческой личности у испытуемых. И американские, и российские испытуемые идентифицировали себя с наиболее близкими им в эмоциональном плане животными, а также с животными, живущими вместе с человеком. Среди американцев наиболее часто встречающиеся животные, с которыми они себя идентифицируют, – это (в процентах к общему объему выборки): собака (19,25 %), кошка (15,9 %), лошадь (14,8 %), птицы (9 %), кролик (6 %). А среди россиян – кошка (24,3 %), собака (13,8 %), лошадь (6,5 %), корова (6,25 %), птицы (5,25 %).

Р. Фейнсон предложил популярный, не претендующий на научность тест «Животное в тебе», направленный на определение собственной «животной» природы, своего психологического прототипа в животном мире [112]. Отталкиваясь от гипотезы, что в результате процесса,

называемого «параллельной эволюцией», отдельные виды животных развили в себе определенные человекоподобные качества, а человечество выработало множество свойств, аналоги которых с легкостью можно найти в животном мире, автор утверждает, что люди демонстрируют то же сочетание качеств, что и различные виды животных. Тест представляет собой опросник. Испытуемый должен оценить себя по следующим критериям: физические размеры, агрессия, общительность, привлекательность, надежность, интеллект, спортивные способности, успех в жизни, любовь к путешествиям. Затем, с помощью специальных таблиц, он может вычислить тот вид животного, который соответствует его «животной» сущности, и познакомиться с описанием его характера, образа жизни, взаимоотношений с противоположным полом и другими животными.

Появление всех этих тестов наводит на мысль, что идея создания проективной личностной методики «Несуществующее животное» уже витала в воздухе. Нужно было сделать только один шаг – перейти от сопоставления человека с реальным животным к сопоставлению его с несуществующим животным. А это могло произойти только в ситуации «встречи» психолога, увлеченного исследованием личности, с задачей придумать несуществующее животное. Как нам стало известно от одной из учениц М. З. Дукаревич, психолога-психотерапевта Н. Г. Грузы, это так и случилось. Идея создания методики возникла у М. З. Дукаревич в то время, когда она была увлечена театром и узнала, что в одной из театральных студий студентам предлагается в качестве этюда придумать и показать несуществующее животное.

Общие теоретические положения

Проективные техники появились в Европе и США в начале XX в. Традиционно принято считать первой – тест словесных ассоциаций К. Юнга, созданный в 1904–1905 гг. Основная волна проективных тестов приходится на 20–50-е гг. В 1921 г. появился тест чернильных пятен Г. Роршаха, опубликованный в его труде «Психодиагностика»; в 1935 г. – Тематический Апперцептивный Тест, созданный Х. Морган и Г. Мюрреем; в 1945 г. – тест С. Розенцвейга; в 1947 г. – тест «Рисунок семьи», разработанный В. Вульфом; в 1948 г. – тест М. Люшера, тест «Рисунок человека», созданный К. Маховер, и тест «Дом – Дерево – Человек», предложенный Дж. Буком; в 1949 г. – тест «Рисунок дерева», разработанный К. Кохом. Эти техники содержали заведомо неоднозначный стимульный материал, столкнувшись с которым испытуемый должен был выбрать собственную форму самовыражения и через это проявить себя, раскрывая свои волнения, страхи, желания и тревоги. Понятие «проекции» для обозначения этих тестов впервые использовал американский психолог Л. Франк в 1939 г., хотя приоритет использования этого понятия для процесса, происходящего при интерпретации стимулов, принадлежит Г. Мюррею. В отличие от психоаналитического истолкования проекции как в первую очередь механизма защиты, проекция как психодиагностический феномен, определялась Л. Франком как процесс и результат взаимодействия испытуемого с неструктурированным материалом, позволяющий исследовать его личность. Согласно его мнению, проективные методы объединяются взглядом на личность как на процесс организации и структурирования жизненного пространства [104]. Изначальные предположения, на которых строились проективные техники, заключались в том, что все поведенческие проявления есть выражения личности индивида и не случайны, то есть психологически детерминированы. Общая цель их состояла в выявлении у субъекта того, что он не может или не хочет говорить, часто из-за незнания себя, и неосознанного раскрытия себя через проекции¹.

Проективная психология как отдельное направление психологической науки возникла в ответ на необходимость разработки психологической теории, которая, в частности, могла бы объяснить и механизм работы проективных методик, их эффективность в качестве диагностического инструмента, подтверждаемую данными клинических исследований. Согласно одному из теоретиков проективной психологии Л. Абту, который попытался обобщить знания, накопленные в этой области, в основу проективной психологии положены идеи двух психологических теорий: психоанализа (его динамического направления) и гештальт-психологии [3]. При различии подходов в обеих теориях были выделены важные сферы базовой согласованности, что и позволило их объединить и тем самым заложить фундамент для развития проективной психологии в целом и изучения личности в частности. Концепция личности, формулируемая в рамках проективной психологии, базируется, согласно Л. Абту, на следующих основных постулатах:

1) личность рассматривается как процесс, а не совокупность сложения относительно статичных черт. Суть процесса состоит в том, что он придерживается динамической последовательности во времени;

2) личность в развитии находится под постоянным влиянием взаимодействия индивида с физической, социальной, культурной средами, с одной стороны, и состоянием и силой его потребностей – с другой;

¹ Не претендуя на полноту, позволю себе дать лишь краткую справку о психологической теории, лежащей в основе проективных методов. Те, кого интересует развитие теоретических концепций от начала XX в. до наших дней более подробно, должны обратиться к другим источникам.

3) личность – это способ, которым индивид организует опыт и чувства, структурируя свое жизненное пространство;

4) личность представляет собой двойственный процесс социализации и индивидуализации;

5) личность является постоянно развивающейся реальностью, функционирующей с рождения и до смерти.

Таким образом, в проективной психологии используется динамическая концепция личности как процесса организации опыта и структурирования жизненного пространства в связи с изменениями мира физической и социальной реальности, с одной стороны, и состоянием и силой потребностей индивида – с другой. Причем если ранее полем исследования проективной психологии были проблемы инстинктивного и инфантильного бессознательного (Ид) и считалось, что только они подвергаются вытеснению, то в настоящее время фокус исследований сместился на проблемы «Эго-психологии», утверждающей, что вытесняется также и все, что угрожает разрушению или изменению «Я-образа». То есть проективная психология изучает и различные образования и проявления Эго.

Поскольку все проективные методы так или иначе полагаются на действие перцептивных механизмов индивида, важное место в теории проективной психологии уделяется изучению сущности и функции перцептивных процессов, в частности теории апперцептивного искажения, разработанной Л. Беллаком [10, 11]. Отталкиваясь от предположения З. Фрейда о том, что воспоминания о прошлых впечатлениях влияют на сегодняшнее восприятие, выдвинутое им в книге «Тотем и табу», Л. Беллак ввел понятие апперцепции. Он определил апперцепцию как значимую (в динамическом смысле) интерпретацию организмом воспринятого или как активный процесс, посредством которого новый опыт ассимилируется и преобразовывается прошлым опытом индивидуума в формирование нового целого. В рамках теории апперцептивного искажения проекция рассматривается как один из нескольких процессов «апперцептивного искажения», обязанный своим существованием формирующему влиянию воспоминаний прошлых апперцепций на настоящие апперцепции.

Опираясь на работы многих исследователей, Л. Абт предложил следующую гипотезу базовой перцептивной теории для проективной психологии, включающую несколько основных положений [3].

1. Общая избирательность всех перцептивных процессов индивида является функцией определенных внутренних и внешних факторов восприятия.

2. Чем более структурировано стимульное поле, тем, как правило, более важной становится роль внешних факторов в восприятии при объяснении поведения, и наоборот, чем более не ясно и не структурировано стимульное поле, тем более важной становится роль установки и внутренних факторов.

3. Перцептивные процессы функционируют определенным образом, позволяющим индивиду сохранить то состояние или тот уровень тревоги, который человек научился выносить. Этот объем тревоги является функцией многочисленных переменных личности.

4. Одна из функций перцепции состоит в том, чтобы позволить какому-либо из психоаналитических защитных механизмов действовать так, чтобы дать возможность индивиду сохранить относительно постоянный уровень тревоги. То есть перцепция играет важную роль в процессе психологического гомеостаза, осуществляемого динамическим образом посредством функционирования нескольких защитных механизмов.

5. Неструктурированное стимульное поле вынуждает индивида больше полагаться на внутренние или субъективные факторы в восприятии, появляется тенденция к заметному повышению уровня тревожности, и приводится в действие проективный механизм. Он позволяет Эго направить себя к новым и адекватным взаимоотношениям с физической и социальной реальностью. Вследствие функционирования проективного механизма в этих условиях

объем тревоги, испытываемой индивидом, понижается до точки, в которой он вновь чувствует комфорт и безопасность.

6. Перцепции индивида окрашиваются желаниями, потребностями, ценностями, фантазиями и другими элементами его личности, и эти компоненты личности отвечают за такое искажение физической и социальной реальности, при котором угроза ощущаемой безопасности и целостности индивида сведена к минимуму.

В настоящее время, по мнению отечественного психолога П. В. Яньшина, существует три основных общих тезиса, которые разделяют все психологи, занимающиеся исследованием проекции, вне зависимости от теоретических направлений [121].

Первый тезис – активность субъекта в его взаимодействии с внешним миром.

Второй тезис – положение о целостности субъекта во всех его проявлениях.

Третий тезис – положение о личности всех человеческих проявлений, какое бы содержание ни вкладывалось конкретным исследователем в понятие «личность».

Эти положения многократно подтверждены, в том числе и отечественными исследователями [95], и являются теоретической базой для большинства психологов во всем мире, работающих с проективными техниками.

Исследователями выделены общие признаки, характеризующие проективные методы:

- 1) неопределенность, неоднозначность используемых стимулов;
- 2) отсутствие ограничений в выборе ответов;
- 3) отсутствие оценки ответов испытуемых как «правильных» и «ошибочных».

Вследствие малой структурированности предлагаемого в них материала и предлагаемой свободе самовыражения, проективные методы побуждают индивида к раскрытию собственного способа организации опыта, структурирования жизненного пространства, интерпретации материала и аффективным реакциям посредством проекции своего внутреннего мира, своих смыслов, ценностей, паттернов и чувств, то есть моделируют ситуацию, в которой актуализируется «личностный процесс». Интерпретация полученных результатов традиционно предполагает использование как формального, так и содержательного анализа протокола исследования. Если в основе формального анализа лежат статистические процедуры: выделение факторов оценки, выявление количественных взаимосвязей между ними, установления валидности и надежности, – то содержательный анализ направлен на символическую интерпретацию результатов и требует знания психодинамической теории. Каждый из этих методов анализа самоценен и имеет тенденцию к дополнению другого в клинической практике психолога [3].

Первая классификация проективных методов была предложена Л. Франком [104]. По мере развития проективной психологии она развивалась и уточнялась. В настоящее время различают несколько групп проективных методов [77, 91] (табл. 1).

Таблица 1. Группы проективных методов

Группа	Содержание	Примеры
Конститутивные (или методики структурирования)	Структурирование аморфного материала, придание ему смысла	Тест Роршаха и др.
Конструктивные	Создание из оформленных деталей осмысленного целого	Тест Мира и др.
Интерпретативные	Истолкование какого-либо события, ситуации и т. п.	ТАТ, тест Розенцвейга и др.
Катартические	Осуществление игровой деятельности в особо организованных условиях	Психодрама, проективная игра
Экспрессивные	Изучение экспрессивных проявлений активности человека (в том числе и его рисунков как продуктов творчества)	Анализ почерка, миокинетическая методика Мира-и-Лопеса и др. Тест «Дом—Дерево—Человек», «Рисунок семьи» и др.
Импрессивные	Предпочтение одних стимулов (как наиболее желательных) другим	Тест Люшера
Аддитивные (или методики дополнения)	Завершение предложения, рассказа, истории	Методика «Завершение предложений», ассоциативный тест Юнга и др.

Экспрессивные методы или проективные рисунки появились на Западе в 40-х гг. XX в. и быстро приобрели популярность в среде клинических психологов. По сравнению с другими проективными тестами исследователей в них привлекала относительная простота проведения, то есть минимальное использование средств (бумага и карандаш), экономичность по времени проведения и, одновременно, богатство получаемой информации. Но так же как и другие проективные тесты, они страдали отсутствием последовательного теоретического обоснования признаков интерпретации, их относительной валидности и надежности. Создание теории проективного рисунка никогда не было самоцелью приверженцев этой техники, а явилось результатом осмысления эмпирических фактов [121]. Проективный рисунок рассматривался большинством исследователей как продукт невербальной коммуникации. Теоретические предположения интерпретации проективного рисунка полностью совпадали с таковыми для проективной техники в целом. В работе «Личностная проекция в рисунке человеческой фигуры» К. Маховер предложила трактовать проекцию как акт «трансляции образа тела в графические термины так, что рисунок в определенном смысле является личностью, а бумага соотносится со средой» [63]. Она сформулировала важный принцип толкования рисунка, состоящий в буквальном переводе графических признаков в словесный текст, опорой чего чаще всего является образность речи, то есть метафоры.

В отечественной психологии попытка теоретико-экспериментального обоснования проективного рисунка была предпринята П. В. Яньшиным [121]. Отталкиваясь от выдвинутых ранее гипотез других исследователей, он сформулировал собственное представление о психо-семантических механизмах рисуночной проекции. Он основывался на предположении о символической природе образа запечатленного в рисунке, а также на том, что смысл не «навязывается» образу интерпретатором, а вытекает из семантической смысловой природы этого образа, как отражение глубинных смысловых структур личности его творца. Проективный рисунок рассматривается им как разновидность метафорического самоописания, метафорической формы эмоционального отношения к самому себе. Согласно П. В. Яньшину, рисунок «представляет собой частный случай функционирования некоего невербального канала коммуникации, основанного на архетипических структурах языка, в частности на устойчивых метафорических образах, структурирующих обыденное сознание». Пытаясь найти теоретическое

обоснование и разрешить проблему расшифровки проективного рисунка, то есть перевода языка невербальных значений на обычный язык, он опирался на взгляды Ч. Осгуда. Согласно Ч. Осгуду, как в образовании языковых метафор, так и в формировании невербальных значений ведущая роль принадлежит явлению синестезий, под которым понимается универсальный психический механизм взаимотрансляции семантического содержания различных перцептивных модальностей. Исходя из этого, П. В. Янышин выдвинул предположение, что если «устойчивая метафорика языка может своеобразно дублировать невербальный образный канал коммуникации», то она может служить эвристической опорой при расшифровке проективной рисуночной продукции. Процесс интерпретации он предложил рассматривать как герменевтическую задачу, то есть как процедуру применения определенного алгоритма интерпретации к символическому тексту, где одним из опорных положений является семантический параллелизм образнографического и вербально-метафорического рядов. Гипотеза о параллелизме вербально-метафорического и образно-графических рядов в применении к проективному рисунку была доказана им экспериментально путем сопоставления семантики пространства рисунка с лингвистическими культурными архетипами метафоризации пространства.

П. В. Янышин разработал данный подход к проективному рисунку и его интерпретации, решая конкретную задачу: определение психологических оснований интерпретации отдельных характеристик рисунка в методике «Рисунок несуществующего животного».

Методика и ее статус в настоящее время

Методика «Рисунок несуществующего животного» была создана М. З. Дукаревич в начале 70-х гг. прошлого века. Однако впервые была опубликована под фамилией автора только в 1990 г. [33]. Методика получила статус проективного метода исследования личности, так как содержала все его признаки и, в частности, удовлетворяла сформулированному Л. Франком необходимому критерию любого проективного метода: содержала неоднозначный, неопределенный стимульный материал, который испытуемому предлагалось произвольно структурировать. В данном случае – придумать образ животного, которого в реальности не существует. И была отнесена к разряду экспрессивных проективных тестов, потому что осуществлялась через процесс рисования.

Появление методики сразу вызвало много вопросов относительно ее валидности и достоверности предложенных интерпретаций. Это объяснялось тем, что в авторском варианте (Приложение 1) интерпретации представляли собой своеобразный каталог, где предлагалась трактовка тех или иных деталей рисунка, но практически не содержалось психологического теоретического обоснования интерпретаций, кроме упоминания теории психомоторной связи и отсылки к теоретическим положениям оперирования символами. Методика также не содержала данных о достоверности установленных связей. Поэтому первые исследовательские работы психологов были направлены на решение именно этих задач. Сначала С. Э. Габидулиной [26], а затем более детально П. В. Яньшиным и его учениками [121] были предприняты, насколько нам известно, первые шаги к конструктивной валидации методики. Этот тип валидности устанавливается путем экспериментального подтверждения гипотез, а именно: выявления связи между результатами, полученными с помощью исследуемой методики и данными других личностных методик. Обследуя группы взрослых (33 человека) и школьников (в разных экспериментах от 30 до 47 человек), средний возраст которых был 12 лет, П. В. Яньшин и его ученики экспериментально доказали связи некоторых характеристик изображения несуществующего животного с определенными аспектами личности рисующих. Анализу подвергались параметры пространственного расположения рисунка (вверху, внизу, вправо, влево, прямо), с которыми сопоставлялись результаты исследования самооценки испытуемых, проводимого с помощью метода личностного семантического дифференциала, и характеристики их реакций в фрустрирующих ситуациях, которые оценивались тестом С. Розенцвейга. Исследовались также взаимосвязи графических признаков агрессивности в рисунке (рога, шипы, зубы и др.) с оценкой агрессивности, диагностированной с помощью теста С. Розенцвейга. Оба используемых метода создавали возможность статистического контроля данных. При обработке результатов применялся метод линейной корреляции и относительно различной ориентации рисунка, метод разбиения на группы с применением t-критерия Стьюдента, а также метод ранговой корреляции Ч. Спирмена. П. В. Яньшин не только предпринял попытку валидации методики, но и, как показано в предыдущей главе, разработал и экспериментально подтвердил теоретические основания ее интерпретации. Выявленная в исследовании достаточно отчетливая связь между семантикой устойчивой пространственной метафоры («верха», «низа», «правого», «левого») и семантикой пространства листа бумаги в проективном рисунке подтвердила выдвинутую им теоретическую гипотезу, что «устойчивая имплицитная метафорика, релевантная контексту образа, может служить эвристической опорой при расшифровке проективной рисуночной продукции» [121].

Следующий шаг в процессе валидации методики был сделан М. К. Акимовой, Т. Н. Алехиной и Ж. В. Таратутой [4]. В 2004 г. ими была проведена «психометрическая квалификация методики». Исследование проводилось на выборке, состоящей из школьников (193 человека), включающей 90 старшекласников (14–17 лет), 56 школьников в возрасте от 9 до 12

лет с нормальным уровнем психического развития и 47 школьников с задержкой психического развития. Отдельные показатели рисунка несуществующего животного, соотносимые с некоторыми психологическими характеристиками, были объединены исследователями в восемь симптомокомплексов: агрессивность, демонстративность, тревожность, общительность, самоконтроль, депрессивность, инфантильность и самооценка. Для проверки валидности выделенных симптомокомплексов испытуемые оценивались с помощью батареи психодиагностических методик, уже прошедших проверку на надежность и валидность. Для этой цели по отношению к старшеклассникам (14–17 лет) применялись следующие методики: шкала тревожности А. М. Прихожан, патохарактерологический диагностический опросник (ПДО) А. Е. Личко, опросник самоотношения (ОСО) В. В. Столина и С. Р. Пантелеева, 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, опросник волевого самоконтроля (ВСК) А. Г. Зверкова и Е. В. Эйдмана, опросник агрессии Басса-Дарки, опросник ЕРІ Г. Айзенка, личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор в адаптации В. Г. Норакидзе, опросник эффективности самопрезентации В. Вилюнаса и А. Кравченко, модифицированная шкала измерения одиночества Рассела. Для диагностики детей 9–12 лет использовались следующие методики: 12-факторный личностный опросник Р. Кеттелла в адаптации Э. М. Александровской и И. Н. Гильяшевой, шкала явной тревожности А. Кастанеды, В. Мак-Кандлесса, Д. Палермо в адаптации А. М. Прихожан, тест тревожности Р. Тэмбла, М. Дарки и В. Амена в адаптации В. М. Астапова, фильм-тест Р. Жилия, графический диктант Д. Б. Эльконина, методика де Греефе на самооценку.

В статистическом анализе авторы использовали метод вычисления ранговых корреляций Ч. Спирмена и критерий различий Манна-Уитни. Исследователи экспериментально доказали, что все выделенные ими симптомокомплексы методики «Рисунок несуществующего животного» обладают высокой степенью валидности при интерпретации рисунков старших подростков в возрасте 14–17 лет. При изучении личностных характеристик детей в возрасте 9–12 лет с нормальным психическим развитием выяснилось, что высокой валидностью обладают показатели пяти симптомокомплексов (агрессивность, тревожность, депрессивность, инфантильность, общительность). При обследовании детей 9–12 лет с задержкой психического развития – показатели только двух симптомокомплексов (тревожность и самооценка).

Одновременно клинические психологи эмпирически и экспериментально исследовали возможности применения данного метода. Предпринимались попытки использования методики для решения задач дифференциальной диагностики.

Т. Н. Краско было описано два рисуночных симптомокомплекса, наблюдаемых у больных неврозами и психопатиями [121]. Ее исследование выявило статистически подтвержденные отличия рисунка невротиков, независимо от клинической формы невроза, от нормативной группы. Для рисунка невротика характерно: краевое расположение, тяготение к левому верхнему углу, мелкий размер, отсутствие сплошной линии, слабый нажим, наличие выделенных или заштрихованных участков. «Детали рисунков закруглены, зрительно завершены, могут быть наведены несколько раз. Отсутствует размашистая штриховка и крупные элементы. Сами образы чаще всего тривиальны, построены по принципу объединения деталей различных животных, дублирования или отсутствия какого-либо органа у обычного животного. В рисунках больных неврозами не встречаются подчеркнута нереальные образы и животные, имеющие сходство с неживыми объектами. Образный ряд в рисунках невротиков беден, животные воспринимаются как статичные «бесхарактерные» и характеризуются обычно как «пассивные». Рисунки психопатов являются в целом более «фантазийными», чем рисунки здоровых людей и больных неврозами, у них больше стремления дать объем, подчеркнуть деталь штриховкой, нарисовать животное в динамике, придать ему «внутреннее выражение». Им более характерен крупный размер, центровая композиция, направленность анфас или вправо. Они демонстрируют снижение адаптивных возможностей, часто выступающее в гиперкомпенсаторном варианте: резкое усиление «внешней защиты», агрессивные тенденции, наличие дополнительных

органов и частей тела, резкое несовпадение рисуночного образа животного с тем, что рассказывается о нем в беседе (например, слабому мелкому и неустойчивому животному могут приписываться сверхъестественные возможности). Сравнивая рисунки здоровых людей, невротиков и психопатов, автор отмечает, что «по одним параметрам рисунки нормативной группы находятся между рисунками невротиков и психопатов, а по другим – рисунки больных этих двух нозологий почти совпадают друг с другом, резко отличаясь от нормативных». Основным признаком, по которому проективные рисунки невротиков и психопатов достоверно отличаются от рисунков здоровых, является наличие выделенных или заштрихованных участков, особенно в сочетании с отсутствием четкой непрерывной линии и с расположением в верхней части листа или с краевым расположением.

Н. Е. Богдановой, А. Г. Соловьевым, П. И. Сидоровым были выделены «специфические признаки» рисунка несуществующего животного у больных с алкогольной зависимостью. К ним были отнесены следующие признаки рисунка: выходит за правый или левый край листа, расположен вверху справа; очень мелкий размер рисунка; две и более головы, расщепленная голова, голова развернута затылком; отсутствие глаз, толстая крупная шея, нос в виде пятачка, язык, несоразмерно большие дистальные отделы конечностей, копыта [18].

Г. Ф. Музыченко было предложено расширить диагностические возможности метода (так как рисунок мог быть крайне лаконичен и малоинформативен) путем изменения процедуры проведения. Метод был дополнен стандартизированным пострисуночным опросом, а также был показан проективный характер полученного с его помощью экспериментального материала [68].

Н. В. Плужниковой, П. В. Яньшиным было проведено исследование особенностей «Я-образа» и проективного образа животного у детей в сравнении со взрослыми. Исследование показало следующие результаты. Во-первых, в проективном образе отражается «Я-образ» испытуемых. Во-вторых, точность этого отражения (проекции) у детей гораздо выше, чем у взрослых (особенно это касается телесного Я). В-третьих, психологическая проекция у детей представляет собой более однородное явление, поскольку обратная проекция (контридентификация) практически отсутствует. В-четвертых, в проективном образе детей находит отражение более широкий спектр личностных и телесных характеристик, чем у взрослых. В-пятых, отношение к процедуре обследования у детей не оказывает определяющего влияния на точность проекции «Я-образа» на рисунок. В-шестых, композиционные параметры рисунка – размер и положение его по вертикальной оси «верх / низ» – не связаны с самооценкой у детей [121].

Используя методику при обследовании детей, А. Л. Венгером были эмпирически выделены некоторые признаки рисунка и рассказа, соответствующие различным эмоционально-личностным особенностям и нарушениям, разработаны ее оригинальные модификации: «Злое животное», «Счастливое животное», «Несчастное животное». На примере конкретных случаев показана эффективность ее использования при психологическом консультировании и психокоррекции детей [22].

Однако, несмотря на проведенные исследования, а также на накопленный богатый и в целом позитивный практический опыт, и сегодня у психологов, активно использующих методику на практике как в нашей стране, так и за рубежом, остается много неразрешенных вопросов. Например, остается открытым вопрос о валидизации метода. Все ранее предпринятые в этом направлении исследования проводились на сравнительно небольших выборках испытуемых (от 30 до максимально 193 человек), включающих главным образом детей школьного возраста, и преимущественно без выраженных психических отклонений. В исследованиях выявлялись взаимосвязи некоторых эмоционально-личностных характеристик испытуемых с отдельными, сравнительно немногочисленными признаками рисунка. Наряду с этим продолжают оставаться актуальными вопросы: о возможности использования методики для решения психодиагностических задач в психиатрии; об особенностях интерпретации эксперименталь-

ного материала в зависимости от возраста испытуемых (дети или взрослые), состояния их психического здоровья (норма или патология) и др.

В этой книге предпринята попытка хотя бы отчасти восполнить имеющиеся пробелы. Во-первых, сделать следующий шаг в процессе валидации методики. Изучая большую выборку взрослых пациентов с различными нарушениями эмоционально-личностной сферы, выявить наличие статистически значимых взаимосвязей многочисленных параметров рисунка и рассказа с определенными эмоционально-личностными нарушениями и некоторыми психическими заболеваниями. Во-вторых, предложить практическое руководство по проведению методики и интерпретации полученных результатов при использовании ее для решения психодиагностических задач в клинической психологии и психиатрии.

Часть 2. Психодиагностическое исследование и результаты статистического анализа

Цель

Целью настоящего исследования было, используя статистические процедуры, выявить наличие связей между выделенными в экспериментальном материале методики «Несуществующее животное» многочисленными параметрами рисунка и рассказа, с одной стороны, и определенными эмоционально-личностными нарушениями и некоторыми психическими заболеваниями – с другой².

² Эта часть написана совместно с Д. В. Рыбиным, аналитиком Центра анализа данных департамента биостатистики Бостонского университета, США.

Психодиагностическое исследование

Исследование пациентов осуществлялось на кафедре психиатрии и медицинской психологии Российского университета дружбы народов и в стационаре психиатрической больницы № 14 г. Москвы, являющейся клинической базой кафедры.

Патопсихологическое исследование включало в себя изучение истории болезни пациента, изучение его познавательной деятельности и эмоционально-личностной сферы. Для исследования эмоционально-личностной сферы использовались определенные методики. Во-первых, миннесотский многофакторный личностный опросник (ММРП), разработанный в 40-х гг. XX в. американскими психологами Дж. Маккинли и С. Хатуэем. Опросник был переведен, адаптирован и рестандартизирован для применения его в отечественных условиях с учетом социально-этнических и культуральных факторов в 1967 г. Ф. Б. Березиным и М. П. Мирошниковым, а также в 1971 г. Л. Н. Собчик. Нами использовался предложенный Л. Н. Собчик сокращенный вариант опросника, содержащий 378 утверждений и позволяющий получить личностный портрет пациентов только по базисным шкалам (в отличие от полного варианта, содержащего 566 утверждений). Во-вторых, цветовой тест Люшера. В-третьих, проективные рисуночные тесты: «Дом – Дерево – Человек», «Рисунок семьи», а также тест «Рисунок несуществующего животного», дополненный стандартизированным пострисуночным опросом.

Анализируемые данные

Данные патопсихологического исследования

Изучение экспериментального материала, полученного при выполнении всеми обследованными пациентами теста «Несуществующее животное», позволило эмпирически выделить 82 параметра рисунка и 109 параметров рассказа (Приложение 2). Параметры рисунка включали в себя общие параметры: размер, положение на листе и др. И частные параметры рисунка несуществующего животного: рога, хвост, панцирь и др. Параметры рассказа также включали общие параметры: нарушение логичности рассказа, прямое проявление в нем психопатологии и др. И частные параметры рассказа о несуществующем животном: среда его обитания, характер защиты, отношения с окружающими и т. д.

Опираясь на используемые при исследовании пациентов личностные тесты, были выделены такие эмоционально-личностные нарушения или характеристики, встречающиеся при различных психических заболеваниях: депрессивность, тревожно-фобические расстройства, агрессивность, социопатичность (психопатичность), инфантильность или эмоциональная незрелость, демонстративность (истероидность), паранойяльность, гипоманиакальность, интровертированность (шизоидность) и мужественность-женственность.

Для достижения основной цели проводимого анализа, а именно выявления достоверных взаимосвязей между различными параметрами рисунка и рассказа методики «Несуществующее животное» и некоторыми эмоционально-личностными нарушениями, использовались результаты только теста ММРІ. Это определялось тем, что ММРІ уже является валидизированным опросником, что позволяет применить его в качестве «золотого стандарта». Каждая из перечисленных выше эмоционально-личностных характеристик измеряется в ММРІ следующими клиническими шкалами (табл. 2). Депрессивность – высоким показателем (выше 70 т) по шкале депрессии (D) и / или низким показателем (ниже 50 т) по шкале гипомании (Ma). Тревожно-фобические нарушения – высокими показателями по шкалам: психастении (Pt) и шизофрении (Sc). Агрессивность – высокими показателями по шкалам: психопатии (Pd) и гипомании (Ma). Социопатичность (психопатичность) – высоким показателем по шкале психопатии (Pd). Инфантильность (эмоциональная незрелость) – высокими показателями по шкалам истерии (Hy) и гипомании (Ma). Демонстративность (истероидность) – высоким показателем по шкале истерии (Hy). Паранойяльность – высоким или очень низким показателем по шкале паранойи (Pa) (при одновременно высоком значении шкалы (L) и / или (K)). Гипоманиакальность – высоким показателем по шкале гипомании (Ma). Интровертированность (шизоидность) – высоким показателем по шкале социальной интроверсии (Si) и (Sc). Мужественность-женственность – высокими показателями по шкале мужественности-женственности (Mf): мужественность у женщин – высоким показателем по этой шкале в женском профиле и, соответственно, женственность у мужчин – высоким показателем в мужском профиле. При кодировании личностного профиля применялся метод Уэлша. Согласно этому методу, все базисные шкалы записываются соответственно их порядковым номерам в последовательности от наиболее высоких шкал к наиболее низким шкалам. Чтобы показать их место на профиле в соответствии со шкалой Т-баллов, используются следующие знаки: шкалы, находящиеся на уровне 120 Т и выше, обозначаются знаком «!», 110 Т – «!», 100 Т – «**», 90 Т – «*», 80 Т – «'», 70 Т – «'», 60 Т – «-», 50 Т – «/», 40 Т – «:», 30 Т – «#». Для шкал достоверности: лжи (L), достоверности (F) и коррекции (K) в индексе профиля используется тот же принцип расположения и те же обозначения.

Таблица 2. Клинические шкалы ММРІ

№	Шкала	Характеристика
1	Ипохондрия (Hs)	Измеряет чрезмерное соматическое беспокойство, ипохондрическую фиксацию на состоянии здоровья
2	Депрессия (D)	Измеряет симптоматическую депрессию
3	Истерия (Hu)	Измеряет демонстративность, эмоциональную незрелость, инфантилизм, эмоциональную лабильность и склонность к развитию соматических (физических) проблем в условиях стресса, «уходу» в болезнь от решения проблем
4	Психопатия (Pd)	Измеряет асоциальные тенденции, социальную дезадаптацию, импульсивность, склонность к повышенной агрессивности
5	Мужественность-женственность (Mf)	Измеряет отклонения от типичного для данного пола ролевого поведения и проблемы в сексуально-ролевой идентификации
6	Паранойя (Pa)	Измеряет аффективную ригидность, подозрительность, враждебность, злобность, склонность к формированию идей отношения или других сверхценных или бредовых образований
7	Психастения (Pt)	Измеряет тревогу, напряженность и навязчивые страхи, мысли и действия
8	Шизофрения (Sc)	Измеряет имеющиеся в клинической картине: растерянность, страхи, некоторую дезориентацию, необычность мышления, своеобразие восприятия окружающего мира и особые переживания (эмоциональную отгороженность, чувство изоляции), трудности в социальном взаимодействии и социальной адаптации
9	Гипомания (Ma)	Измеряет приподнятое настроение (от нормального оптимизма и жизнелюбия до маниакальной расторможенности с повышенной, плохо направленной активностью), а также эмоциональную незрелость и легко вспыхивающие агрессивные тенденции
10	Социальная интроверсия (Si)	Измеряет социальную тревожность, замкнутость, трудности в социальных контактах, низкую социальную активность

Из историй болезни пациентов (независимый диагноз психиатра) была получена информация о наличии у некоторых из них следующих психических заболеваний: шизофрении, нервной анорексии (ограничительный вариант), булимического расстройства (как самостоятельное заболевание и вариант или этап в развитии нервной анорексии) и алкоголизма, а также дисморфофобического расстройства тела (в рамках нервной анорексии). Психические заболевания были диагностированы психиатрами с помощью ранее валидизированной Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-10, 1994) [66], которая в части описания психических расстройств, в свою очередь, была создана на основе «Руководства по диагностике и статистике психических расстройств» (DSM-IV, 1994), разработанного американской ассоциацией психиатров.

Характеристика выборки

Из более двух тысяч обследованных пациентов для анализа было отобрано 796 человек. Выборка производилась на основании следующих критериев. Первый критерий – возраст пациентов не моложе 15 лет. Второй критерий – образование не ниже среднего (за исключением 28 пациентов, которые были старшеклассниками). Третий критерий – отсутствие в психическом статусе пациентов признаков органической деменции. Четвертый критерий – экспериментальные данные, полученные при изучении эмоционально-личностной сферы пациентов с помощью ММРІ должны быть достоверны и явно не противоречить результатам, полученным по другим личностным тестам и данным клинического исследования. Первый критерий был про-

диктован поставленной задачей, а именно исследовать этой методикой не детей, характеризующихся «естественной» незрелостью эмоционально-личностной сферы, а взрослых пациентов. Второй критерий исходил из того, что для выполнения основных для данного анализа методик (ММРІ и методики «Несуществующее животное»), особенно для ММРІ, требуется наличие у испытуемого достаточно высокого уровня психического и интеллектуального развития. Включенные в выборку старшеклассники, по мнению автора, обладали таким уровнем развития. Третий критерий определился эмпирически, вследствие недоступности для пациентов с признаками органической деменции выполнения методики ММРІ. Четвертый критерий был установлен в соответствии с принципами клинической диагностики эмоционально-личностной сферы. И последнее, поскольку экспериментальный материал собирался в течение многих лет, то в выборку не вошли также пациенты, в протоколах которых отсутствовали формальные данные об их возрасте и образовании.

По видам ведущей психической патологии пациенты распределились следующим образом (табл. 3).

Как видно из представленной выборки, почти треть ее составляют больные с нарушениями пищевого поведения. Эта особенность выборки связана с профессиональной специализацией главной клинической базы проводимого исследования – кафедры психиатрии и медицинской психологии РУДН. В выборку не вошли пациенты с эпилепсией, церебральным атеросклерозом и другими психическими заболеваниями, в основе которых лежит органическая патология ЦНС. Это определялось как заданными критериями отбора, так и особенностями контингента больных, стационарно лечившихся в психиатрической больнице, большая часть которых находилась уже не на начальных стадиях развития заболевания и при экспериментально-психологическом исследовании обнаруживала отчетливые признаки органической деменции.

Таблица 3. Виды ведущей психической патологии пациентов выборки

Психические расстройства	Кол-во (%)
Шизофрения	192 (24,1)
Биполярное расстройство	8 (1,0)
Патология влечений	79 (9,9)
Алкоголизм	66
Наркомания	11
Влечение к азартным играм	2
Нарушения пищевого поведения	269 (33,8)
Нервная анорексия (ограничительный вариант)	158
Нервная анорексия (булимический вариант)	108
Нервная булимия	3
Транссексуализм	7 (0,9)
Расстройства личности	241 (30,3)

Особо следует отметить, что у некоторых пациентов, вошедших в выборку, наряду с основным заболеванием наблюдались признаки психоорганического синдрома, но нарушения когнитивных процессов у них не достигали уровня деменции.

Присутствие эмоционально-личностных особенностей и конкретных заболеваний в анализируемой выборке больных представлено в табл. 4.

Таблица 4. Характеристики выборки (796 человек)

Характеристика	Кол-во (%)	Средний возраст (СО*)	Кол-во муж. (%)	Кол-во жен. (%)
Возраст выборки (15–61 лет)		27 (9,6)		
Женщин	484 (60,8)	27 (9,2)		
Мужчин	312 (39,2)	28 (10,1)		
Депрессивность	306 (38,4)	29 (10,6)	167 (54,6)	139 (45,4)
Тревожно-фобические расстройства	619 (77,8)	27 (9,7)	259 (41,8)	360 (58,2)
Агрессивность	327 (41,1)	27 (9,2)	140 (42,8)	187 (57,2)
Социопатичность	214 (26,9)	26 (8,8)	110 (51,4)	104 (48,6)
Инфантильность	269 (33,8)	26 (9,1)	52 (19,3)	217 (80,7)
Демонстративность	112 (14,1)	28 (9,2)	21 (18,8)	91 (81,2)

Окончание таблицы 4

Характеристика	Кол-во (%)	Средний возраст (СО*)	Кол-во муж. (%)	Кол-во жен. (%)
Паранойальность	581 (73,0)	27 (9,4)	221 (38,0)	360 (62,0)
Гипоманиакальность	76 (9,6)	25 (8,2)	25 (32,9)	51 (67,1)
Интровертированность	537 (67,5)	27 (9,4)	234 (43,6)	303 (56,4)
Женственность	240 (30,2)	28 (9,6)	57 (23,8)	183 (76,2)
Мужественность	163 (20,5)	26 (9,3)	101 (62,0)	62 (38,0)
Дисморфофобия при нервной анорексии	221 (21,1)	22 (5,7)	12 (5,4)	209 (94,6)
Шизофрения	192 (24,1)	27 (9,8)	74 (38,5)	118 (61,5)
Нервная анорексия	266 (33,4)	22 (5,5)	13 (4,9)	253 (95,1)
Булимическое расстройство	111 (13,9)	22 (5,0)	6 (5,4)	105 (94,6)
Алкоголизм	66 (8,3)	30 (10,1)	45 (68,2)	31 (31,8)

* Стандартное отклонение.

Табл. 4 иллюстрирует распределение эмоционально-личностных особенностей и конкретных заболеваний с учетом возраста и пола пациентов. Как видно из таблицы, такие характеристики, как инфантильность, демонстративность, женственность, а также заболевание нервная анорексия с дисморфофобическим и булимическим расстройством, чаще встречались в изучаемой выборке у женщин. А мужественность и алкоголизм – у мужчин. Полученное распределение в целом не противоречит эмпирическим наблюдениям, что свидетельствует о репрезентативности выборки.

Статистический анализ

Для выявления количественных связей отдельных эмоционально-личностных нарушений и некоторых психических заболеваний пациентов (мы будем называть их для удобства в дальнейшем «психологическими характеристиками») с параметрами рисунка и рассказа «Несуществующего животного» использовалась логистическая регрессия. Анализ состоял из двух частей. На первой стадии анализа были построены отдельные модели для каждого параметра рисунка / рассказа с целью определения его связи с каждой «психологической характеристикой» в отдельности, контролируя присутствие других «психологических характеристик», а также пол и возраст пациентов. Все переменные (за исключением возраста пациентов) на этой стадии анализа рассматривались как двухуровневые (да / нет, мужчины / женщины и т. п.). На второй стадии (анализ подгрупп) было исследовано влияние эффекта пола при анорексии, эффекта булимиеподобного паттерна при анорексии и эффекта шизофрении при интровертированности. Для этого сначала были сконструированы три трехуровневые переменные: мужская анорексия / женская анорексия / отсутствие анорексии; анорексия с булимиеподобным паттерном / анорексия без булимиеподобного паттерна / отсутствие анорексии и интровертированность при шизофрении / интровертированность без шизофрении / отсутствие интровертированности. Это позволило сравнить уровни каждой из этих переменных между собой, используя сходные логистические модели для каждого параметра рисунка / рассказа, контролируемые пол, возраст пациентов и присутствие других «психологических характеристик». После этого был проведен стратифицированный по полу анализ данных больных нервной анорексией, сравнивая мужчин с анорексией с мужчинами без анорексии и женщин с анорексией с женщинами без анорексии.

Размер эффекта взаимосвязи был выражен отношением шансов (ОШ) с соответствующим 95 % доверительным интервалом (ДИ). Дискриминативная способность каждой модели была оценена с помощью С-коэффициента. Для статистических тестов был установлен 0,05 альфа-уровень. В связи с проведением в данном анализе для каждой «психологической характеристики» множественных сравнений была применена коррекция по Бонферрони ошибки Типа 1. Итоговый альфа-уровень для каждого статистического теста составил 0,00025. Обе описанные выше стадии анализа были проведены как без Бонферрони коррекции, так и с ней. Для анализа был использован статистический пакет SAS 9.2 (SAS Institute Inc., Cary, NC, USA).

Результаты

Результаты статистического анализа представлены в Приложениях 2 и 3. Приложение 2 соответствует первой стадии анализа и содержит таблицу значимых отношений шансов (табл. П1). Эта часть анализа обнаружила наличие статистически значимых связей между параметрами рисунка и рассказа, с одной стороны, и эмоционально-личностными характеристиками, выявленными с помощью ММРІ, а также некоторыми психическими заболеваниями, – с другой. Так, например, шанс встречаемости крупного рисунка почти в 10 раз выше у пациентов с гипоманией по сравнению с пациентами без гипомании (ОШ 9,59 с 95 % ДИ 5,27–17,42), а шанс встречаемости маленького рисунка в 2,5 раза выше среди пациентов с депрессией в сравнении с пациентами без депрессии (ОШ 2,59 с 95 % ДИ 1,79–3,77).

Приложение 3 представляет результаты второй стадии анализа и содержит восемь таблиц (табл. П2–П9). Таблицы П2–П4 представляют результаты сравнения данных мужчин-аноректиков с мужчинами-неаноректиками, женщин-аноректиков с женщинами-неаноректиками и мужчин-аноректиков с женщинами-аноректиками. Например, шанс присутствия в рисунке выделенного носа в 9 раз выше у мужчин с анорексией по сравнению с мужчинами без анорексии (ОШ 9,0 с 95 % ДИ 1,96–41,29); шанс присутствия в рисунке плотно закрытого рта почти в 6 раз выше у женщин с анорексией по сравнению с женщинами без анорексии (ОШ 5,78 с 95 % ДИ 2,12–15,74); шанс присутствия в рисунке клыков или бивней почти в 10 раз выше у мужчин-аноректиков по сравнению с женщинами-аноректиками (ОШ 9,86 с 95 % ДИ 2,38–40,73). Таблица П5 приложения представляет результаты сравнения данных пациентов с булимическим вариантом нервной анорексии с данными пациентов с ограничительным вариантом нервной анорексии (без булимического паттерна). Например, из анализа следует, что шанс встречаемости в экспериментальных данных того, что внешний вид животного не нравится пациенту, в 2,5 раза выше у пациентов с булимическим вариантом нервной анорексии по сравнению с пациентами, страдающими ограничительным вариантом нервной анорексии (ОШ 2,57 с 95 % ДИ 1,24–5,30). Таблица (П6) представляет результаты сравнения экспериментальных данных, полученных у интровертированных пациентов, больных шизофренией, с данными интровертированных пациентов без шизофрении. Так, например, шанс встречаемости в экспериментальном материале нарушения логичности рассказа более чем в 5 раз выше у интровертированных пациентов, больных шизофренией, по сравнению с интровертированными пациентами без шизофрении (ОШ 5,29 с 95 % ДИ 2,76–10,14). В следующей таблице (П7) Приложения 3 приведены результаты сравнения присутствия параметров агрессивности в экспериментальном материале у больных с различными нарушениями эмоционально-личностной сферы.

Особый интерес с точки зрения психодиагностики представляет вопрос, может ли наличие отдельных параметров рисунка или рассказа указывать на присутствие определенных психологических характеристик. Таблица (П8) демонстрирует статистическую оценку диагностической ценности отдельных параметров рисунка / рассказа. Для каждого параметра приведены три оценочных критерия: чувствительность, специфичность и ППВ (PPV – Positive Predictive Value). Предположим, что мы исследуем наличие параметра X у пациентов, обладающих психической характеристикой Y. Тогда, чувствительность – это вероятность присутствия параметра X в экспериментальном материале пациентов, обладающих психической характеристикой Y. Специфичность – это вероятность отсутствия параметра X в экспериментальном материале пациентов, не обладающих характеристикой Y, а ППВ – это вероятность присутствия психической характеристики Y среди пациентов, экспериментальный материал которых содержит параметр X. Анализ показателей чувствительности, специфичности и ППВ указывает на относительно невысокую диагностическую ценность отдельных параметров рисунка / рассказа (даже тех из них, которые по результатам анализа с учетом коррекции Бонфферони

значимо связаны с теми или иными психологическими характеристиками). Так, например, несмотря на то что у большинства (71,5 %) пациентов без проявлений агрессивности не встречался в рисунках контур в виде острых углов / игл (достаточно высокая степень специфичности), этот параметр рисунка присутствовал только у менее половины (45,2 %) пациентов с проявлениями агрессивности (чувствительность), а также только чуть больше половины (51,2 %) пациентов, нарисовавших контур в виде острых углов / игл, обладали агрессивностью (ППВ).

Статистический анализ, направленный на решение задачи возможности определения комплексов параметров рисунка и рассказа, характерных для некоторых психических расстройств, установил, что в экспериментальном материале пациентов четырех рассмотренных заболеваний (шизофрения, нервная анорексия, булимическое расстройство и алкоголизм) наблюдалась тенденция присутствия не единичных, а нескольких параметров рисунка / рассказа, статистически связанных с данными заболеваниями (Табл. П9). Так, например, было выделено 16 параметров рисунка и рассказа, позитивно связанных с булимическим расстройством (как самостоятельным заболеванием, так и вариантом или этапом в развитии нервной анорексии). У более 90 % человек из всех пациентов с этим диагнозом (111 чел.) наблюдалось присутствие двух и более (до 12) выделенных параметров.

Психологическая интерпретация результатов статистического анализа

Психологическая интерпретация результатов статистического анализа включает в себя, во-первых, краткую клиническую характеристику каждого из выделенных эмоционально-личностных нарушений и психических заболеваний. Во-вторых, описание их природы с точки зрения психоаналитической теории. В-третьих, сопоставление выявленных в анализе статистически значимых связей параметров рисунка и рассказа, с одной стороны, и эмоционально-личностных нарушений и некоторых психических заболеваний – с другой (Приложения 2–5), с клиническими данными и результатами психологических и психоаналитических исследований.

Агрессивность (А)

В Словаре по психоанализу Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса агрессивность определяется как тенденция или совокупность тенденций, проявляющихся в реальном поведении или в процессе фантазирования, цель которых заключается в том, чтобы навредить другому человеку, понудить его к каким-либо действиям, унижить, уничтожить его и пр. Она является дезорганизирующей, разрушительной силой [52].

Агрессия может выражаться либо непосредственно в прямом действии разрушения или насилия, как, например, при открытой атаке во время военных действий, либо в косвенной, замаскированной форме, например через иронию или отказ от помощи. Агрессивные проявления различаются по интенсивности от невраждебных влечений к самоутверждению и самосохранению, на последующих уровнях воплощаясь в раздражительность, злобность и нетерпимость – вплоть до крайней степени бешенства и неистовства, смертельной ярости. Проявления агрессивности различаются также по степени осознанности и могут стимулировать использование различных защитных механизмов.

Агрессивность может быть направлена как на другого человека, так и на самого себя, проявляясь в форме самообвинения, «таинственной мазохистской склонности Я» (З. Фрейд), психосоматики, самоповреждения и др.

У современных психоаналитиков нет единства взглядов на природу агрессии [52]. Одни, в частности А. Адлер, Э. Гловер, полагают, что агрессия порождена окружением (фрустрацией либидо и других инстинктов, например влечения к власти). Другие вслед за З. Фрейдом считают, что она имеет внутреннее (инстинктивное) происхождение и, подобно тенденции к саморазрушению (влечению к смерти), может быть осмыслена лишь в связи с сексуальностью. Так, А. Фрейд, анализируя психические механизмы агрессии, обращала внимание на то, что при агрессивных проявлениях, как и при либидинозных, наблюдается напряженное побуждение и следующее за разрядкой облегчение; если же разрядка блокирована, возникает страдание. Она отмечала, что в борьбе с агрессивным влечением используются те же защиты, что и с либидо. Однако до сих пор остается неясным, представляют ли собой агрессивность и либидо при рождении отдельные формы энергии влечений, сливающиеся в процессе развития, или же они нераздельны и лишь позже эволюционируют в отдельные целостности. Барнесс Э. Мур и Бернард Д. Файн пишут: «Представляется вероятным, что агрессивные влечения постепенно изменяются, приобретая характерные формы на оральной, анальной и фаллических стадиях. Согласно некоторым теоретическим построениям, при таком прогрессирующем развитии происходит все большее слияние либидинозных и агрессивных импульсов, и тем самым разрушительные проявления агрессии ограничиваются, что приводит к обеспечению Я нейтрализованной энергией, необходимой для функционирования – нормального либо патологического. В

то же время Я присваивает агрессию Оно и овладевает ей, ставя на службу возрастающей по сложности адаптации» [79].

Клинические данные показывают, что агрессивность играет особенно важную роль при паранойальном, асоциальном, депрессивном и маниакальном расстройстве личности. Люди с такими расстройствами часто используют механизмы защиты в виде «идентификации с агрессором», «отреагирования вовне», «всемогущего контроля» и «обращение против себя».

Степень агрессивности в рисунке несуществующего животного, согласно М. З. Дукаревич, выражена количеством, расположением и характером острых углов, независимо от их связи с той или иной деталью изображения. Особенно весомы в этом отношении прямые символы агрессии – когти, разящие острые клювы, зубы. Рот с зубами выражает вербальную агрессию.

Исследование Е. Ю. Воиновой, проведенное под руководством П. В. Яньшина, направленное на валидизацию теста «Рисунок несуществующего животного» с помощью теста С. Розенцвейга, относительно параметра агрессивности как характерологического свойства личности, подтвердило существование зависимости между результатами этих методик относительно параметра агрессивности в целом [121]. Испытуемыми являлись дети в возрасте от 8 до 12 лет без значительных психических нарушений. Было обнаружено, что с открытым проявлением агрессии коррелировало только количество углов в рисунке. Сама по себе «угловатость» рисунков и наличие шипов связаны не с открытой, а с сублимированной агрессивностью. С суммарной агрессивностью и «чистой» агрессией коррелирует наличие и количество рогов. Наличие зубов отрицательно связано со склонностью к самобичеванию. Клешни, копыта и щупальца не дали значимых корреляций ни с тестом С. Розенцвейга, ни с признаками агрессивности в поведении детей.

Исследование М. К. Акимовой, Т. Н. Алехиной, Ж. В. Таратуты показало, что с агрессивностью положительно соотносятся такие признаки рисунка: контур в виде острых углов, когти, зубы, рога, клюв, агрессивный вид животного, сдвиг рисунка вправо, наличие агрессии в названии и линии, поднимающиеся «снизу-вверх-направо» [4].

По данным А. Л. Венгера, в рассказе о животном признаками агрессивности являются следующие характеристики: питается людьми, подробное описание поедания жертв, дружит со злыми, агрессивными персонажами, любит ломать деревья и т. п. [22].

По результатам анализа наших данных агрессивность характеризуют следующие параметры рисунка и рассказа. Положительная связь существует между агрессивностью и такими параметрами рисунка, как пасть с зубами, рога, клюв, контур в виде углов или игл, клыки или бивни, когти, иглы или шипы, сильный нажим и подчеркнутый нос. В рассказе о животном обнаружена положительная связь с такими ответами пациентов: относится к нападающим животным, является плотоядным, питается людьми, не имеет друзей, использует агрессивные способы защиты, является хорошо защищенным, имеет агрессивный нрав; близким пациента и ему самому не нравится агрессивность животного.

Отрицательная связь наблюдается между агрессивностью и такими признаками рисунка, как механические детали, слабая линия, положение головы животного «анфас». А также – со следующими параметрами рассказа: имеет уменьшительно-ласкательное название, живет в небе, дружит с маленькими животными и детьми или со всеми окружающими, использует пассивные, необычные или неадекватные формы защиты, является плохо защищенным, пациенту не нравится беззащитность животного.

По полученным данным, наиболее сильно положительно связаны с агрессивностью следующие параметры рисунка и рассказа: использует агрессивную защиту, пасть с зубами, рога, контур в виде острых углов или игл и когти. Эти признаки, с нашей точки зрения, символизируют открытую, неконтролируемую агрессию. Данное предположение базируется на том, что они были выделены на основе экспериментального материала пациентов, плохо контролирую-

щих свои агрессивные импульсы, а именно, имеющие высокие показатели по шкалам психопатии и гипомании в ММРІ.

Проведенное сравнительное исследование присутствия в экспериментальном материале теста параметров рисунка и рассказа, положительно связанных с открытой агрессивностью, у пациентов с различными эмоционально-личностными нарушениями выявило наименьшее их присутствие при демонстративности (21,43 %), депрессии (26,47 %), интроверсии (37,43 %), тревожнофобических нарушениях (38,13 %), а наибольшее – при социопатичности (76,17 %), гипоманиакальности (65,79 %), паранойяльности (48,88 %) (Приложение 3, табл. П7). Полученные результаты согласуются с данными клинических и психоаналитических исследований и, по-видимому, объясняются теми защитными механизмами, которые по преимуществу используют пациенты с разными типами организации характеров. Как известно, истерические личности склонны вытеснять свою агрессию, интровертированные и обсессивно-компульсивные – изолироваться от нее, а депрессивные – обращать ее против себя и таким образом осуществлять «контроль» над проявлением агрессии вовне. Использование этих защитных механизмов часто связано с имеющимся у этих пациентов внутренним «запретом» на открытое проявление собственной агрессии и особенно на значимые объекты. Социопатические и гипоманиакальные лица испытывают трудности при контроле своего гнева, им свойственно импульсивное «отреагирование вовне», а паранойяльные – склонны прибегать к использованию защиты в виде «идентификации с агрессором», тем самым также разрешая себе открытое проявление агрессии вовне. В табл. 5 представлены защитные механизмы личности, описанные в литературе А. Фрейд, Н. Мак-Вильямс, Р. Карсон, Дж. Батчер и С. Минека, Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис, О. Кернберг и др. [107, 60, 42, 52, 44].

Таблица 5. Механизмы защиты личности

Механизм защиты	Описание
ПЕРВИЧНЫЕ (ПРИМИТИВНЫЕ)	
Всемогущий контроль	Использование сознательной манипуляции и «перешагивания» через других для ощущения собственной власти и проявления своего влияния на окружающих как базовых способов избегания тревоги и поддержания самоуважения
Расщепление или примитивная диссоциация	Защита Эго от конфликтов и связанной с ними тревоги посредством активного разделения (диссоциации) всех противоречащих друг другу переживаний, касающихся себя и других. Деление всех внешних объектов на «абсолютно хорошие» и «абсолютно плохие» с внезапными переходами от одной крайности к другой. Резкие постоянные колебания между противоречивыми Я-концепциями
Примитивная изоляция	Уход во внутренний мир, в мир воображения или даже в другое состояние сознания от активного участия в решении межличностных проблем и от реальности в целом
Примитивная идеализация	Приписывание особых достоинств, силы и власти объекту, от которого эмоционально зависим
Примитивное обесценивание	Умаление значимости прежде идеализированного объекта вплоть до презрения к нему
Отрицание	Отказ от восприятия или рассмотрения конфликтов, игнорирование неприятной, болезненной реальности, фактов
Проекция	Приписывание другим людям или мистическим внешним силам («бес попутал») своих собственных неприемлемых мыслей, чувств, мотивов или качеств. Процесс, в результате которого внутреннее обычно воспринимается как происходящее вовне

Продолжение таблицы 5

Механизм защиты	Описание
Интроекция	Включение объекта в процессе бессознательного фантазирования в собственное Я для ощущения собственной целостности. Вбирание в себя позиций, аффектов и поведения значимых лиц. Процесс, в результате которого идущее извне обычно воспринимается как происходящее внутри
Проективная идентификация	Одновременное действие процессов проекции и интроекции
Идентификация с агрессором	Попытка овладения своим страхом и страданием через перенимание качеств мучителей
ВТОРИЧНЫЕ (ВЫСШЕГО ПОРЯДКА)	
Регрессия	Уменьшение тревоги путем отступления на более ранний уровень развития, возвращение к инфантильным личностным реакциям, подразумевающим демонстрацию беспомощности, зависимости, менее зрелого поведения и меньшей ответственности
Вытеснение (подавление, репрессия)	Активное недопущение или удаление из сознания болезненных, противоречивых чувств и воспоминаний, неприемлемых желаний и мыслей, то есть того, что способно вызвать беспокойство
Отреагирование во вне или реализация в действии	Способ преодоления страха или других внутренне запрещенных чувств и желаний посредством аффективной разрядки, осуществляющейся через активацию экспрессивного поведения, которое имеет импульсивный и иногда асоциальный характер, оборачивает пассивное в активное, превращает чувство беспомощности и уязвимости в действенный опыт, дающий ощущение собственной силы
Уничтожение сделанного или аннулирование	Заглаживание или бессознательная попытка уравновесить некоторый аффект (обычно вину или стыд) с помощью отношения или поведения, которые магическим образом уничтожают этот аффект и «развеивают» неприемлемые желания или действия
Обращение против себя	Для снижения тревоги и сохранения ощущения силы перенаправление негативного аффекта, относящегося к внешнему объекту, на себя
Замещение (смещение)	Перенаправление сдерживаемых чувств (зачастую враждебных) с первоначального объекта на другой объект, вызывающий меньшую тревогу, чем тот, что возбуждает эти чувства, или на специфический объект, который символизирует пугающее явление
Изоляция	Снижение эмоционального напряжения путем отделения аффекта (чувства) от интеллекта (понимания), отделения эмоций от конкретного психического содержания, отрицание наличия чувств
Рационализация	Использование «разумных, логически связанных, изоощренных умопостроений и доводов» для объяснения своих чувств и поведения, подлинные мотивы которых остаются неосознанными
Морализирование	Использование «морально приемлемых» объяснений для оправдания своих чувств, желаний и поступков
Интеллектуализация	Контроль над эмоциями и импульсами путем преобладания размышления, рассуждения по их поводу вместо непосредственного переживания. Признание наличия чувств и даже их вербализация, при отсутствии выражения эмоций в реальном поведении
Сексуализация	Возвращение в поведение подавленных сексуальных желаний

Окончание таблицы 5

Механизм защиты	Описание
Реактивное образование	Предотвращение осознания неприемлемых желаний, эмоций, личностных качеств через преувеличенное проявление внешне противоположного поведения; преобразование негативного аффекта в позитивный или наоборот
Сублимация	Направленность фрустрированной сексуальной энергии в замещающую деятельность

Отдельный интерес представляет большое присутствие в экспериментальном материале параметров рисунка и рассказа, положительно связанных с открытой агрессивностью, у пациентов с выраженными мужскими чертами (50,31 %). По-видимому, это связано с тем, что в большинстве человеческих культур с понятием «мужественности» связываются такие личностные черты, как активность, сила и агрессивность. Открытое агрессивное поведение у мужественных лиц выступает в этом контексте как социально приемлемое и даже одобряемое. Эти данные также согласуются с классической психоаналитической теорией, предполагающей наличие неотъемлемой внутренней связи агрессивности с маскулинностью.

Выявленная в исследовании положительная связь между агрессивностью и подчеркнутым носом (его символическим значением) в рисунке несуществующего животного, вероятно, может рассматриваться как косвенное подтверждение психоаналитической гипотезы о наличии связи агрессивности с сексуальностью.

Пример № 2.1

Пациент 19 лет, код профиля ММРІ: 8!6!741*32905” F!!K/L:

Рассказ

Шипозавр (рис. 2.1) – это защищающееся животное. Его длина 50–60 метров, а высота 20–30 метров. Он живет на другой планете, где идет борьба за выживание, там все хищники, и он тоже хищник. Питается более мелкими и менее приспособленными животными. Живет либо в семье, либо в одиночку. Дружит с мирными животными. Врагов полно! Это летающие ящеры и более крупные хищники. Защищается шипами, зубами и быстродвигающимся хвостом с шипами. Хорошо защищен. Человек мог бы его приручить, но с трудом. Катать на себе человека он бы не стал, шипы мешают. Интеллект у него как у дельфина, высокий. Нрав тихий, но если будут на него нападать, то будет рычать и защищаться. Шипозавр мне нравится. Нравится его приспособленность к своей среде обитания. Он подходит к миру, в котором живет. Плохо только, что человек не может на нем кататься, слишком много шипов. Но в то же время шипы ему нужны, так как живет в такой среде. Родителям он бы не понравился. Мама бы подумала, что он злой, раз у него столько шипов. Его вид вызвал бы у нее отвращение («страшный», «монстр»). Если бы я сказал ей, что он мирный и хороший, то, может быть, у нее к нему и возникла бы слабая симпатия, но вряд ли. Папе бы тоже не понравилось, что он «монстр», «чудовище», но понравилось бы, что он может за себя постоять, ему не требуется чужая помощь. А сестра (7 лет) бы его просто испугалась и убежала. О симпатии с ее стороны и речи быть не может.

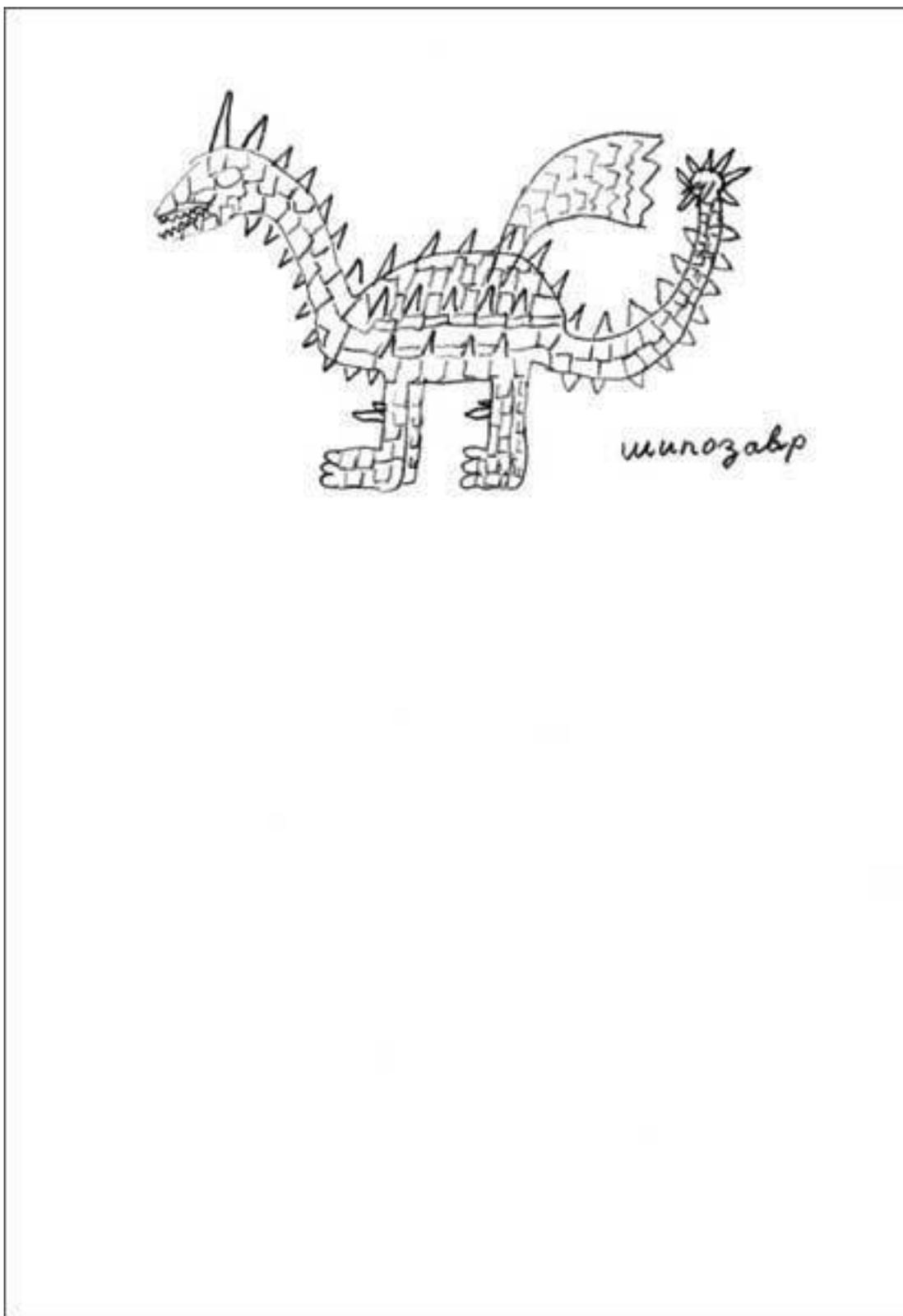

Рис. 2.1. Шипозавр

Пример № 2.2

Пациент 22 лет, код профиля ММРІ: 7"8492'163-0/5# F"KL/

Рассказ

Зондор (рис. 2.2) – нападающее животное. Его длина – 4–5 метров, а высота – 1 метр. Обитает в густых джунглях. *Питается животными.* Живет в одиночку, сам по себе, как

волк. Дружит с себе подобными. Врагами считает все, что движется. Всех животных и более крупных зверей. *При нападении на него будет биться зубами, когтями. Сработает его агрессивный инстинкт. Защищен хорошо.* Он агрессивен к человеку и не хотел бы, чтобы тот его приручил, так как любит свободу. Человек, может быть, ни мог бы его приручить, если только с детства. Он умный, как волк. *Имеет дикий свободолубивый нрав, инстинкт хищника. Мне он не нравится. Мутант какой-то.* Не нравится необычность, несопоставимость в его облике. Туловище как у животного, а голова как у монстра. Голова некрасивая, похожа на человеческую, не подходит к звериному облику. Мне нравится в нем дерзость, отвага, сила физическая и внутренняя. И еще грандиозность его размеров и внешнего вида в целом. Маме бы он не понравился. Особенно его отпугивающий внешний вид. Папе бы тоже не понравился. Может, понравилась бы только его мощь. И старшему брату он бы не понравился. В первую очередь не понравилось бы несоответствие его головы и туловища.

Пример № 2.3

Пациент 28 лет, код профиля ММРІ: 27*860*549–13/ F**L/K#

Рассказ

Скалозуб (рис. 2.3) – это *нападающее животное, хищник*. Его длина 6 метров, а высота 2 метра. Обитает в тропических джунглях. Питается мясом животных и фруктами на закуску. Живет семьями. *Контактирует с себе подобными. Но контакты – это драки за дележ пищи или самки в брачный период. То есть все эти контакты драчливые.* Его врагами являются более крупные хищники или такие же, как он, за среду обитания. *Защищается когтями, зубами и еще у него есть чешуя и роговые отростки на спине.* Защищен нормально, но только ноги и голова хуже. Он охотится на людей, как на других животных, и люди его боятся. Человек не может его приручить, так как он слишком дикий. И нет пользы от него, его мясо не жирное... Сердце его тоже чешуей защищено, и другие органы. Это хитрое животное, как волк. *Нрав его агрессивный. Скалозуб мне не нравится тем, что злой и агрессивный, не нравится оскал зубов, чешуя и роговые отростки.* Внешний облик его безобразный. Однако и красота есть. Это мускулистые части тела, его ноги. Он хорошо бегаёт. Нравится также, что это умное животное, знает, как добыть пищу, создать семью, как отогнать противника. *Маме и сестре он бы не понравился. Особенно его зубы, оскал, чешуя и роговые отростки.* Но могла бы понравиться его хитрость и сообразительность.

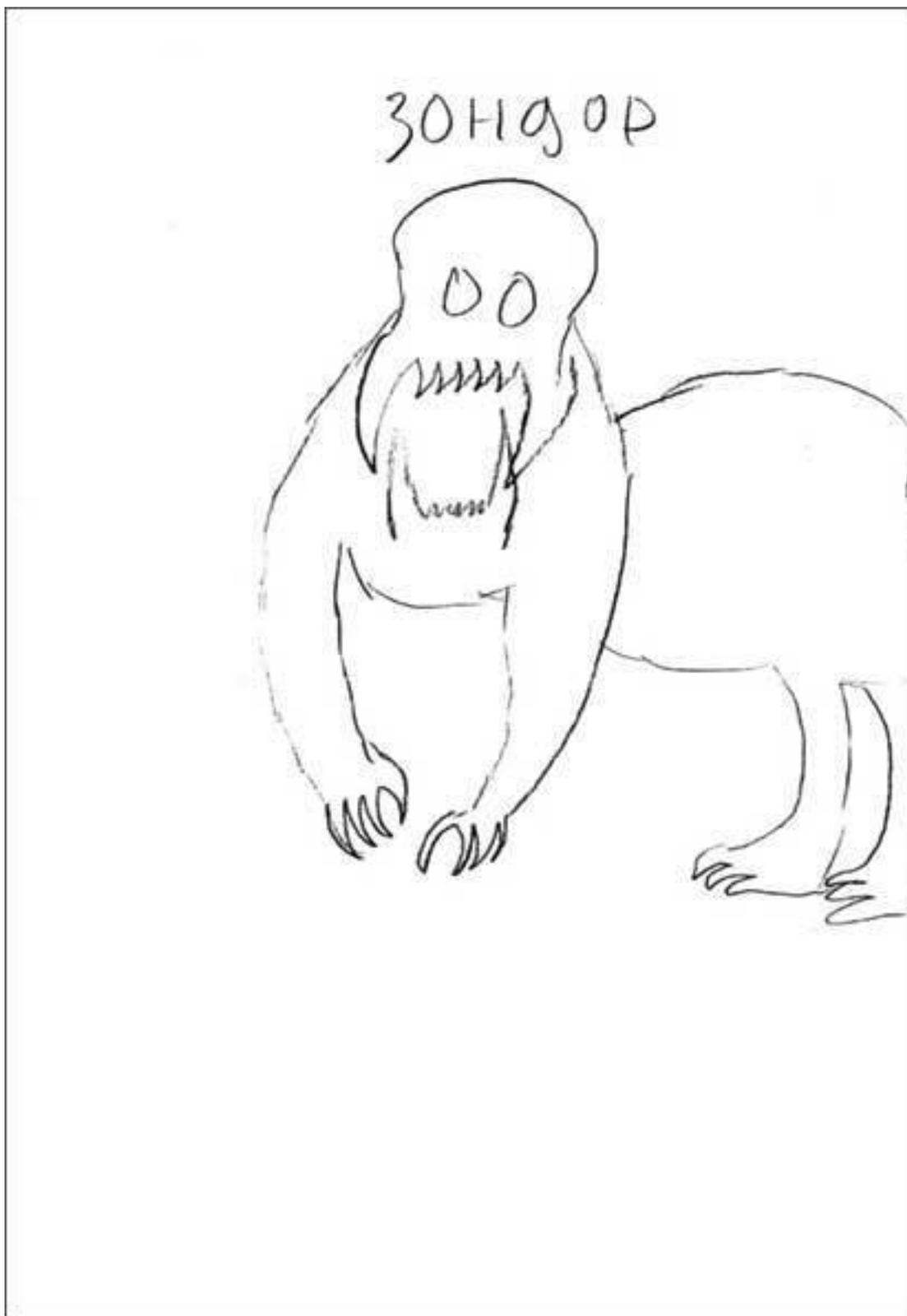

Рис. 2.2. Зондор

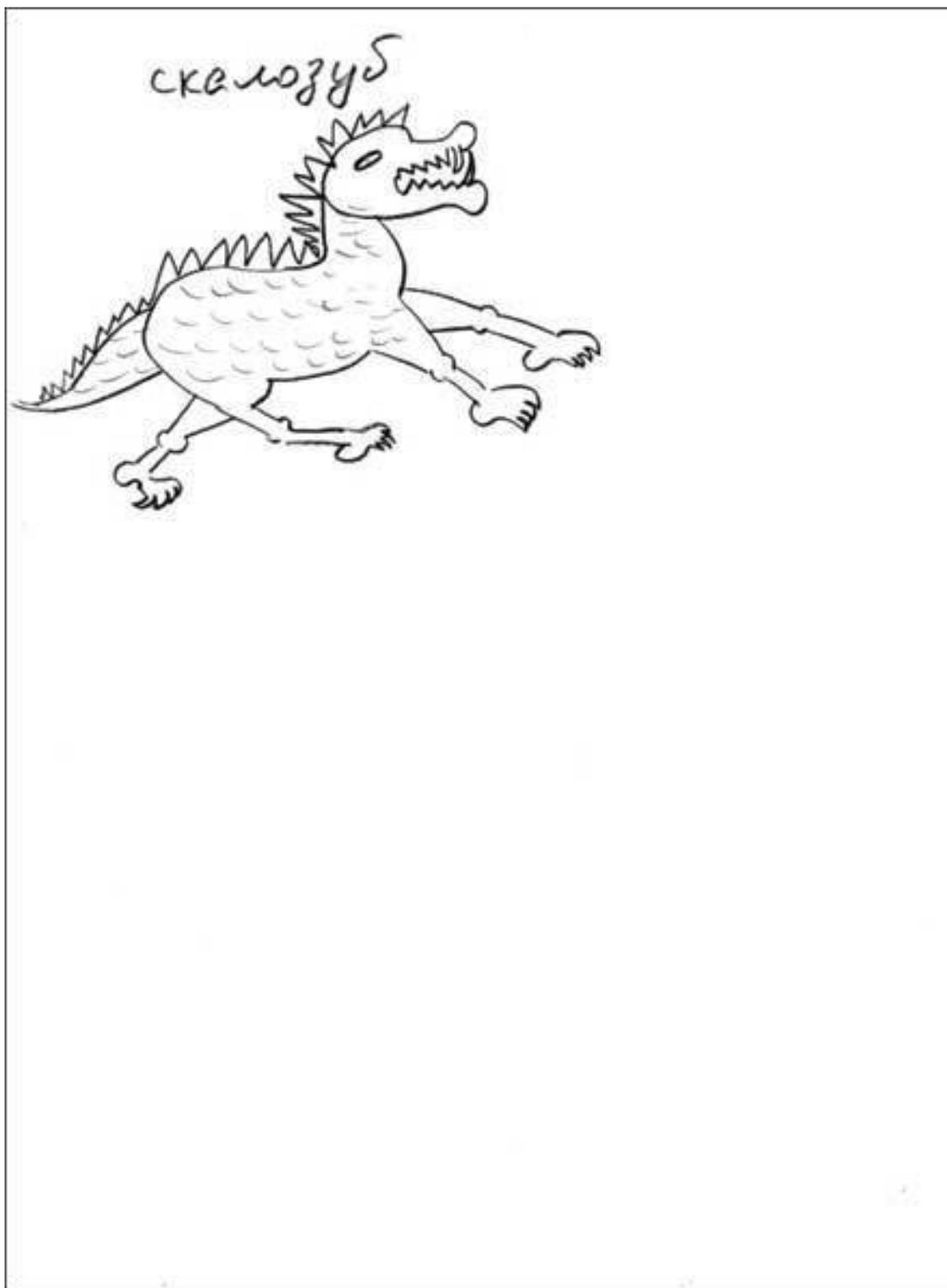

Рис. 2.3. Скалозуб

Тревожно-фобические нарушения (ТФ)

Тревожно-фобические состояния включают в себя эмоциональные реакции тревоги, страха и эмоционального напряжения. Они тесно взаимосвязаны и представляют собой реакции, возникающие у человека в ситуациях ощущаемой угрозы, актуальной, реально существующей в данный момент или только предполагаемой (реальной или воображаемой).

К тревожным расстройствам, согласно DSM-IV, относятся фобические расстройства специфического или социального типа; паническое расстройство, сопровождающееся или не сопровождающееся агорафобией; генерализованное тревожное расстройство; обсессивно-компульсивное расстройство и посттравматическое стрессовое расстройство [42].

Фобия – это стойкая и несоразмерная боязнь какого-то отдельного объекта или ситуации, которые не представляют никакой серьезной или вообще никакой опасности для индивида. Диагноз специфической фобии ставится в случае, когда человек испытывает сильный и стойкий страх, запускаемый присутствием (или предвосхищением) специфического объекта или ситуации. В DSM-IV выделяется пять подтипов специфических фобий:

- 1) боязнь животных (например, змей или пауков);
- 2) естественной среды (например, высоты или воды);
- 3) инъекций, ранений и вида крови;
- 4) ситуаций (например, авиаперелетов или поездки в лифте);
- 5) атипичный подтип (например, боязнь подавиться или рвоты) [42].

По данным психоаналитических исследований пациенты со специфическими фобиями в качестве защиты от тревоги используют смещение, то есть перенаправление эмоции с какой-то одной области или первоначального объекта на другой специфический объект, который символизирует пугающее явление. Так, например, страх пауков, которые символически связаны с бессознательным образом поглощающей матери, может олицетворять страх поглощения, а боязнь ножей, являющихся фаллическим символом, – страх фаллоса и его проникновения.

Отличительным признаком социальной фобии считается боязнь негативной оценки со стороны окружающих. В DSM-IV описывается два подтипа социальной фобии: специфическая (страх перед одной или несколькими социальными ситуациями, например при выступлении на людях или при пользовании общественным туалетом, в которых человек боится быть выставленным на всеобщее обозрение и действовать постыдным или унижительным образом). И генерализованная (страх в большинстве социальных ситуаций, включая как ситуации публичных выступлений, так и ситуации, требующие социального взаимодействия). Социальный характер этих фобий подтверждает тот факт, что они не возникают при выполнении тех же действий в одиночестве.

Паническое расстройство определяется и характеризуется возникновением неожиданных панических атак, которые, как часто кажется, случаются словно гром среди ясного неба. От других разновидностей тревоги панические атаки отличает непродолжительность и интенсивность.

Генерализованное тревожное расстройство характеризуется хроническим чрезмерным беспокойством по поводу ряда событий и действий. Это состояние описывается как «свободно плавающая тревога», поскольку она не привязана к конкретному объекту или ситуации. Общим для людей, страдающих этим расстройством, является то, что они живут в сравнительно постоянном состоянии напряжения, беспокойства и разлитой тревоги. Фундаментальным процессом является тревожное предчувствие, определяемое как ориентированное на будущее настроение, в котором человек находится в постоянной готовности столкнуться с надвигающимися негативными событиями.

Обсессивно-компульсивное расстройство определяется возникновением нежелательных и навязчивых (обсессивных) мыслей или неприятных образов, которые, как правило, сопровождаются компульсивными действиями, призванными нейтрализовать обсессивные мысли и образы или предотвратить какое-то ужасное событие или ситуацию.

В соответствии с DSM-IV обсессии подразумевают упорные и навязчивые рекуррентные мысли или импульсы, произвольно возникающие в сознании и воспринимающиеся как помеха, что-то неподобающее и нежелательное. Компульсии могут выражаться или в повторяющихся действиях (например, мытье рук), или в более завуалированных умственных процеду-

рах (например, счет). Серия навязчивых действий может носить характер ритуала. Выполнение компульсивного действия или ритуальной последовательности действий обычно снижает тревогу и напряжение и приносит чувство удовлетворения.

Развивая психоаналитическую теорию тревоги, З. Фрейд описал типичные ситуации угрозы, имеющие место в развитии ребенка [79]. Первая из них – утрата объекта любви, опекуна (обычно матери), от которого ребенок наиболее зависим. Позже на первое место выходит страх телесного повреждения (кастрации). Для латентного периода характерен страх быть лишенным любви, покинутым и наказанным (значимыми взрослыми или родителями). Фрейд отмечал, что, хотя эти страхи специфичны для разных фаз, они могут существовать и у взрослого. Наличие ранних форм тревоги на более поздних стадиях развития является отражением невротической фиксации. Генерализованная тревога возникает у человека из-за бессознательного конфликта между Эго и импульсами Ид, который ему не удается адекватно преодолеть из-за сбоя в работе защитных механизмов, их истощения или изначальной неразвитости. З. Фрейд считал, что импульсы Ид изначально имеют сексуальную и агрессивную природу, а к свободно плавающей тревоге приводит либо блокирование, либо наказание за их выражение. Основное различие между специфическими фобиями и генерализованной тревогой, согласно психоаналитическим взглядам, состоит в том, что при фобиях работают защитные механизмы вытеснения и замещения, тогда как при свободно плавающей тревоге эти механизмы не задействованы и потому человек испытывает почти постоянную тревогу.

Тревожно-фобические расстройства могут быть признаком тревожного (уклоняющегося, избегающего) расстройства личности. По данным МКБ-10, это расстройство характеризуется:

- а) постоянным чувством общей напряженности и тяжелыми предчувствиями;
- б) представлениями о своей социальной неприспособленности, личностной непривлекательности и приниженности по отношению к другим;
- в) повышенной озабоченностью критикой в свой адрес или неприятием в социальных ситуациях;
- г) нежеланием вступать во взаимоотношения без гарантий понравиться;
- д) ограниченностью жизненного уклада из-за потребности в физической безопасности;
- е) уклонением от социальной или профессиональной деятельности, связанной со значимыми межличностными контактами из-за страха критицизма, неодобрения или отвержения [66].

Современные психоаналитики вслед за З. Фрейдом считают, что бессознательный мир обсессивно-компульсивной личности имеет окраску «анальной» проблематики, фиксации на анальной стадии развития (соответствующей приблизительно от 18 месяцев до 3 лет). Это время, когда родители часто стараются обучить детей туалету, что подразумевает научению контролю и отсрочке удовлетворения чувственной потребности от акта дефекации. Если родители слишком строги и вынуждают ребенка, стоит ему запачкаться, почувствовать себя грязным и скверным, они могут поселить в нем ярость и одновременно чувство вины и стыда по отношению к этим позывам. В соответствии с данной теорией напряженный конфликт, который может развиваться между импульсами Ид, требующими свободы, и требованиями Эго соблюдать контроль и воздержание, ведет к развитию защитных механизмов, которые могут породить обсессивно-компульсивную симптоматику. Обсессивные и компульсивные личностные защиты «служат цели связывания, модификации и отражения тревоги» и выражаются в ритуально повторяющихся мыслях или действиях, обычно направленных на контроль над внутренним состоянием, импульсом или эмоцией [79, 83]. З. Фрейд, К. Абрахам и вслед за ними М. Кляйн полагали, что обсессивные защиты направлены конкретно против тревоги, вызванной собственными агрессивными садистическими импульсами.

По мнению Н. Мак-Вильямс, базовым аффективным конфликтом у обсессивных и компульсивных личностей является контролируемый гнев, борющийся со страхом быть осужден-

ным или наказанным. Ведущей защитой у людей с преобладанием обсессивной симптоматики является изоляция в ее зрелых формах, таких как рационализация, морализирование и интеллектуализация. У компульсивных личностей основной защитный механизм представляет собой «уничтожение сделанного». Они «уничтожают сделанное» посредством совершения действий, имеющих бессознательное значение уничтожения совершенного преступления, искупления вины или магической защиты [60].

Признаками тревожно-фобических нарушений в рисунке несуществующего животного, по данным М. З. Дукаревич, является голова, повернутая влево, выделенные глаза и особенно глаза с прорисованной радужкой, открытый рот, особенно если он зачернен, затемненные линии контура рисунка и сильный нажим.

Исследование Т. Н. Краско выявило, что для рисунков больных неврозом навязчивых состояний высокоспецифичны композиционная упорядоченность, небольшой размер, четкие завершенные линии, зачерненные или заштрихованные детали и участки, равномерный нажим. Характерна «защита» контура шерстью, иглами, панцирем. Контур может быть прерывистым: с разрывами, незамкнутостью. Животное расположено анфас, всегда прорисованы или зачернены глаза. В целом рисуночные образы производят беззащитно-трогательное впечатление, хотя при беседе-опросе авторы рисунков могут подчеркивать их активность и приспособленность [121].

Исследование М. К. Акимовой, Т. Н. Алехиной, Ж. В. Таратуты показало, что с тревожностью наиболее тесно связаны следующие признаки рисунка: волосатые контуры, штриховка внутри фигуры, маленький рисунок в левом верхнем углу, несоединенные углы, запачканные линии контура, большие глаза, резкая прорисовка радужки глаз, линии с сильным нажимом, увеличенные конечности, колеблющиеся, прерывающиеся линии, округлый рот, зачерненный округлый рот, открытый рот без языка и губ, наличие панциря [4].

Результаты анализа наших данных показывают, что положительная связь существует между тревожно-фобическими нарушениями и такими факторами рисунка, как глаза с подчеркнутой радужкой, выделение глаз, стирание и перерисовывание рисунка, маленькое тело, сильный нажим, затемнение линии контура рисунка, пасть с зубами, большой размер рисунка, положение головы анфас, рот большого размера или несколько ртов. В рассказе обнаружена положительная связь со следующими параметрами: нарушение логичности рассказа, отсутствие у животного друзей, боязнь людей, использование пассивных форм защиты, недовольство пациента замкнутостью животного и хорошее отношение к животному в целом.

Отрицательная связь существует между тревожно-фобическими проявлениями и такими параметрами рисунка, как слабая линия рисунка, направление головы вправо, хвост, поднятый вверх. В рассказе отрицательно связаны с тревожно-фобическими нарушениями следующие параметры: составное название, обитает в сказочном мире, является травоядным, употребляет в пищу эмоционально неприятную или человеческую еду, имеет друзей из числа ему подобных, имеет врагов из разряда хищников или тех, кто сильнее его. Позитивное отношение пациента к тому факту, что у животного есть крылья, и негативное отношение – к животному в целом.

По нашим данным, наиболее сильно связаны с тревожно-фобическими нарушениями следующие параметры рисунка. Положительно – глаза с подчеркнутой радужкой, выделенные глаза, сильный нажим, и отрицательно – слабая линия.

Представляет интерес выявленная в данном исследовании, казалось бы, парадоксальная связь обсессивно-компульсивного расстройства, для которого характерен контроль над гневом, с такой деталью рисунка, как пасть с зубами, символизирующая трудно контролируемую оральную агрессию. Вероятно, в данном случае пасть с зубами может свидетельствовать об ослаблении личностных защит, истощении способности контролировать свой усиливающийся гнев, что в свою очередь ведет к увеличению страха (вплоть до переживания ужаса) быть осуж-

денным, и сопровождается ощущением собственной беспомощности, бессилия, уязвимости и утраты жизненной энергии.

Обнаруженная при статистическом анализе связь тревожно-фобических нарушений с описанными выше признаками рисунка и рассказа по рисунку несуществующего животного (их символическими значениями) в целом согласуется с данными психодинамических исследований. Так, например, полученные результаты не противоречат описанному психоаналитиками базовому аффективному конфликту, наблюдаемому у обсессивно-компульсивных личностей, который выражается в контролируемом гневе (пасть с зубами, животное не является травоядным, сильный нажим), борющимся со страхом быть осужденным или наказанным (глаза с подчеркнутой радужкой, боится людей). А также использованию ими личностной защиты в виде разных форм «изоляции» (использует пассивную защиту, не имеет друзей, пациенту не нравится замкнутость животного) и «уничтожение сделанного» (стирание и перерисовывание).

Пример № 2.4

Пациентка 54 лет, код профиля ММРІ: 8* 7"1603'2594- F!!L'K/

Рассказ

Уткоед (рис. 2.4) – животное нападающее. Его длина – три метра. Обитает в море. Питается живыми существами: и рыбой, и людьми. Живет в одиночку. Если живут стайками, то их быстро вылавливают. Друзей нет, так как оно очень страшное. Врагами его являются люди, которые хотят его поймать. Для защиты у него есть присоски, чтобы к себе присасываться, и жесткий панцирь. Он душит жертву, тащит ее в рот и высасывает кровь. Защищен хорошо. Человек не мог бы его приручить, если только убить. Уткоед живет для того, чтобы питаться. Он сообразительный, как акула. Нрав его злобный. Мне Уткоед нравится. Я боюсь этих существ, но люблю... Я воду боюсь, но смотрю на нее, меня страх притягивает. Чего боюсь, к тому меня больше притягивает. Мне хочется знать, смогу ли я побороть этот страх. Я боюсь воды. Этот страх у меня уже более 20 лет. Он появился после того, как у меня тонула дочь на Борисовских прудах, и я кинулась в воду ее спасать. Мне кажется, что меня в воде убьют. Мне нравится Уткоед тем, что может за себя постоять, и тем, что он красивое животное. Мужу бы он не понравился. Особенно ему бы не понравились присоски, отвратительный рот и что оно питается людьми и животными. Понравилась бы только красивая внешность, но пусть бы оно жило в зоопарке.

Пример № 2.5

Пациент 25 лет, код профиля ММРІ: 7"36'2–1948/05: F"LK'

Рассказ

Солнечный волосатик (рис. 2.5) – животное нейтральное. Оно покрыто пушистыми волосами, которые защищают его организм от внешних воздействий. Его диаметр – 30 сантиметров. Обитает на опушке дубравы. Питается травой, грибами, ягодами, а зимой корой и тем, что запасет. Живет семьями. Дружит с себе подобными. Врагами его являются хищники и большие птицы. Если на него нападают, то он прячется, маскируется, пытается убежать. Если убежать не удалось, то будет драться до конца, телом и кулаками. Вообще-то, защищен он слабо. С человеком он предпочитает не общаться. Человек – это злая, необузданная, разрушающая сила. Он о них особо не знает. Солнечный волосатик не хотел бы, чтобы человек его приручил. Он не хотел бы лишиться свободы, но жить рядом с добрым существом хотел. Он сообразительный как человек, ему нужны мозги. Нрав у него добрый и слегка волнительный. Мне солнечный волосатик нравится. Нравится, что это доброе, симпатичное и умное существо. Но мне хотелось бы добавить ему защитных механизмов в процессе эволюции. Маме он бы тоже понравился. Особенно что он симпатичный и не злой. Отчиму понравился бы его ум, но не

понравилась слабость в защите. Другу, как и моему отчиму, он бы в целом понравился, что добрый, искренний, симпатичный, но не понравилась бы его беззащитность.

Рис. 2.4. Уткоед

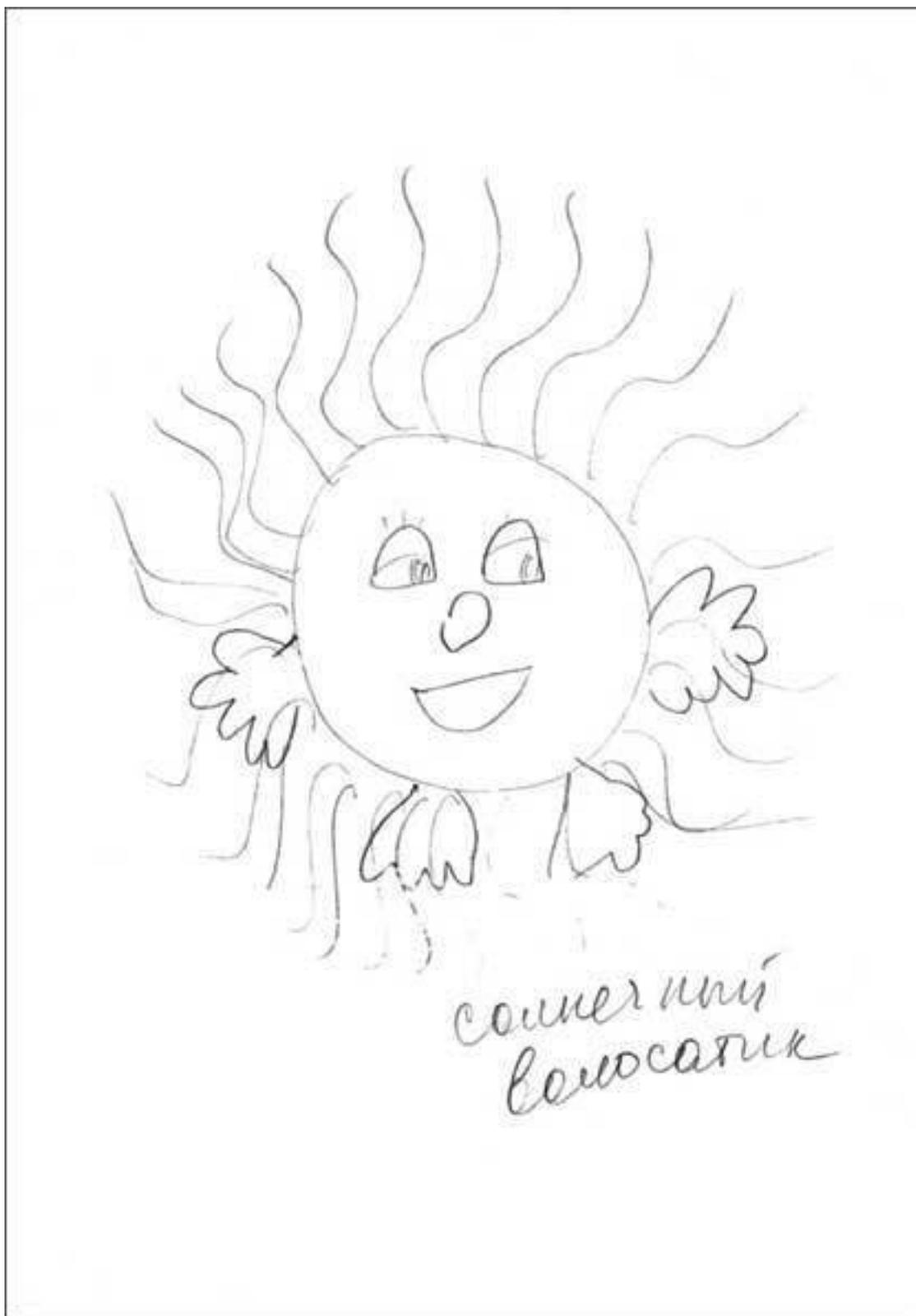

Рис. 2.5. Солнечный волосатик

Депрессивное расстройство (Д)

В МКБ-10 депрессивное расстройство относится к расстройствам настроения (аффективным расстройствам). Депрессивное состояние выражается в сниженном настроении (от гру-

сти, печали, унынии до глубокой тоски), психомоторной заторможенности, снижении энергии, ощущении безнадежности, низкой самооценке, чувстве собственной малоценности, стыда, вины за настоящие или прошлые, часто воображаемые «ошибки» или «проступки». В агедонии (неспособности радоваться обычным удовольствиям) и в вегетативных нарушениях (проблемы питания, сна и др.). З. Фрейд первым предложил различать депрессивное («меланхолическое») состояние и нормальное переживание горя [52]. По его мнению, при обычных реакциях горя человек переживает как «уменьшившийся», внешний мир (потеря значимой личности), а при депрессии то, что переживается им как потерянное, уменьшившееся или разрушенное, является частью его самого [78, 60]. Согласно М. Узер, испытываемое при депрессии страдание существенным образом связано с обесцениванием нарциссического образа себя самого; «реальный смысл депрессии – внутренний траур, утрата нарциссического объекта, образующего Самость, то есть чувства ценности» [78]. Отталкиваясь от идей З. Фрейда о меланхолии и связи ее с обращенной на себя агрессией, Х. Стерн рассматривает депрессию «в основном как нарциссическую защиту, предотвращающую разрушение внешнего объекта путем перенаправления интернализированной агрессии на собственное Эго, а не на объект внешнего мира» [78]. Аутоагрессивные тенденции у депрессивных лиц могут выражаться как в мыслях о собственной ничтожности, бесполезности, виновности (вплоть до появления суицидальных мыслей), так и в действиях. Действия, в свою очередь, могут проявляться в вырывании волос, обгрызании ногтей и др., то есть иметь форму «частичного самоубийства», когда «суицидальный импульс сосредотачивается на отдельном участке тела, являющемся для пациента своего рода заменой целого, подлежащего уничтожению», и в реальных суицидальных попытках. В суициде, согласно З. Фрейду, агрессивное влечение обращается против себя, то есть суицид – это часто замаскированное убийство. В формулировке американского психиатра К. Меннингера, который детально разработал идеи З. Фрейда, «при суициде убийцей становится Эго, а жертвой – Самость». К. Меннингер предположил, что все суициды в своей основе имеют три взаимосвязанные бессознательные причины: месть / ненависть (желание убить), депрессия / безнадежность (желание умереть) и чувство вины (желание быть убитым) [64]. Согласно данным клиницистов и психологов, часто суициды символизируют крик о помощи, являются действием с целью привлечь внимание к своим проблемам. Психотерапевты когнитивной школы подчеркивают негативную роль ригидного мышления, которое ведет к невозможности выработки решения своих проблем («жизнь ужасна, альтернатива ей только смерть») [42].

З. Фрейд, К. Абрахам и вслед за ними М. Кляйн, Э. Якобсон, Д. Боулби и др., описывая депрессивную динамику, подчеркивали значимость качества ранних отношений между матерью и младенцем в возникновении депрессии. Хорошие отношения привязанности к родительским фигурам необходимы для сопротивления депрессии в последующей жизни. Важным источником склонности к депрессии является переживание преждевременной потери (реальной или символической, воображаемой). Ребенок выходит из переживаний травматической потери с чувством вины, так как возлагает ответственность за потерю на себя. Потерянный объект идеализируется, а все негативные аффекты, связанные с ним, вбираются в ощущение собственного Я. Это создает глубинное переживание собственной «плохости» и одновременно беспомощности, недостаточности и субъективной неспособности [78].

Депрессивное состояние является характерным признаком депрессивного расстройства личности. Основными личностными защитами у депрессивных лиц являются интроекция и обращение против себя.

Признаками депрессии в рисунке несуществующего животного, согласно М. З. Дукаревич, является положение рисунка в нижней части листа и хвост, опущенный вниз.

А. Л. Венгер, отталкиваясь от интерпретаций деталей рисунка в других рисуночных тестах (в частности, в тесте «Рисунок человека»), отметил, что депрессивные тенденции в рисунке несуществующего животного могут проявляться в уменьшении размеров рисунка и

иногда в его размещении в углу листа. Кроме того, он подчеркнул, что депрессивные тенденции могут выразительно отражаться в рассказе об образе жизни животного («живет грустно», животное одиноко) [22].

Исследование М. К. Акимовой, Т. Н. Алехиной, Ж. В. Таратуты показало, что с депрессивностью положительно соотносятся следующие признаки рисунка: рисунок на левой части листа, рисунок в нижней части листа, мелкий рисунок, длинный хвост, направленный вниз, пышный хвост, направленный вниз, направление хвоста вниз, линии со слабым нажимом, «падающие линии», то есть направление линий «сверху-вниз-влево» [4].

По данным анализа результатов нашего исследования, депрессивное состояние могут характеризовать следующие параметры рисунка и рассказа: положительная связь существует между депрессией и такими особенностями рисунка, как положение рисунка внизу листа, хвост, нос или голова, опущенные вниз, маленький размер рисунка, контур рисунка в виде острых углов или игл (часто направленных острием и на само животное). В рассказе обнаружена положительная связь с такими параметрами, как уменьшительно-ласкательное название животного, обитание рядом с водоемом, отсутствие друзей, боязнь людей, низкий интеллект, плохая защищенность, грустный нрав, негативное отношение пациента к животному в целом.

Отрицательная связь существует между депрессией и такими параметрами рисунка, как копыта, глаза с ресницами, подобие прически, хвост, направленный вверх, крылья, большой размер рисунка и глаза с прорисованной радужкой. А также – со следующими параметрами рассказа: активный призыв о помощи при угрозе, позитивное отношение к животному в целом, наличие друзей из класса не хищников и хорошая защищенность.

По нашим данным, наиболее сильно положительно связаны с депрессией следующие параметры рисунка и рассказа: грустный нрав, рисунок внизу листа, маленький размер рисунка и хвост, нос или голова, опущенные вниз.

Выявленная в исследовании положительная связь между депрессией и маленьким размером рисунка согласуется с представлением психоаналитиков о том, что при депрессивном состоянии то, что переживается пациентом как потерянное, уменьшившееся или разрушенное, является частью его самого. Положительная связь депрессии с расположением рисунка внизу листа и опущенными вниз хвостом, носом или головой соответствует принятой в общечеловеческой культуре символике «низа» в оппозиции «верхнего и нижнего», олицетворяющего негативное начало в человеке. Уныние или «упадническое (вниз) настроение» считается одним из человеческих грехов. Это также согласуется с гипотезой психоаналитиков о механизме формирования депрессивной личности, согласно которой источником склонности к депрессии является переживание ребенком преждевременной потери родительского объекта. При этом потерянный объект идеализируется, а все связанные с ним негативные аффекты вбираются в ощущение собственного Я, что создает глубинное переживание собственной «плохости». Положительная связь депрессии с контуром рисунка в виде острых углов или игл (часто направленных острием и на само животное) согласуется с идеей о связи депрессии с направленной на себя агрессией. Принимая во внимание, что этот признак рисунка также положительно связан с открытой неконтролируемой агрессией, можно предположить, что в случае депрессии он может олицетворять опасность реализации в действии имеющихся у пациента аутоагрессивных тенденций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.